

Рик Риордан

ПЕРСИ ДЖЕКСОН и
ПОХИТИТЕЛЬ МОЛНИЙ

Annotation

Не только в хогвартской Школе чародейства и волшебства происходят события загадочные и страшные. И не с одним только Гарри Поттером. Перси Джексон, двенадцатилетний американский школьник, едва не становится жертвой учительницы по математике. Хорошо, что ручка, которую дал ему мистер Браннер, учитель латинского языка, превращается в настоящий меч и поражает обезумевшую математичку. Но на этом беды Перси Джексона не кончаются. На побережье, куда они уезжают с мамой, на них нападает чудовище Минотавр. И друг Перси по школе, Гроувер, неожиданно пришедший на помощь, оказывается не мальчиком, а сатиром. Но главные приключения начинаются позже, когда они с Гроувером добираются до Лагерь полукровок...

Цикл Рика Риордана о Перси Джексоне стал одним из супербестселлеров последних лет. По экранам всего мира прошел высокобюджетный фильм, снятый по произведениям этого цикла.

Рик Риордан

Перси Джексон и похититель молний

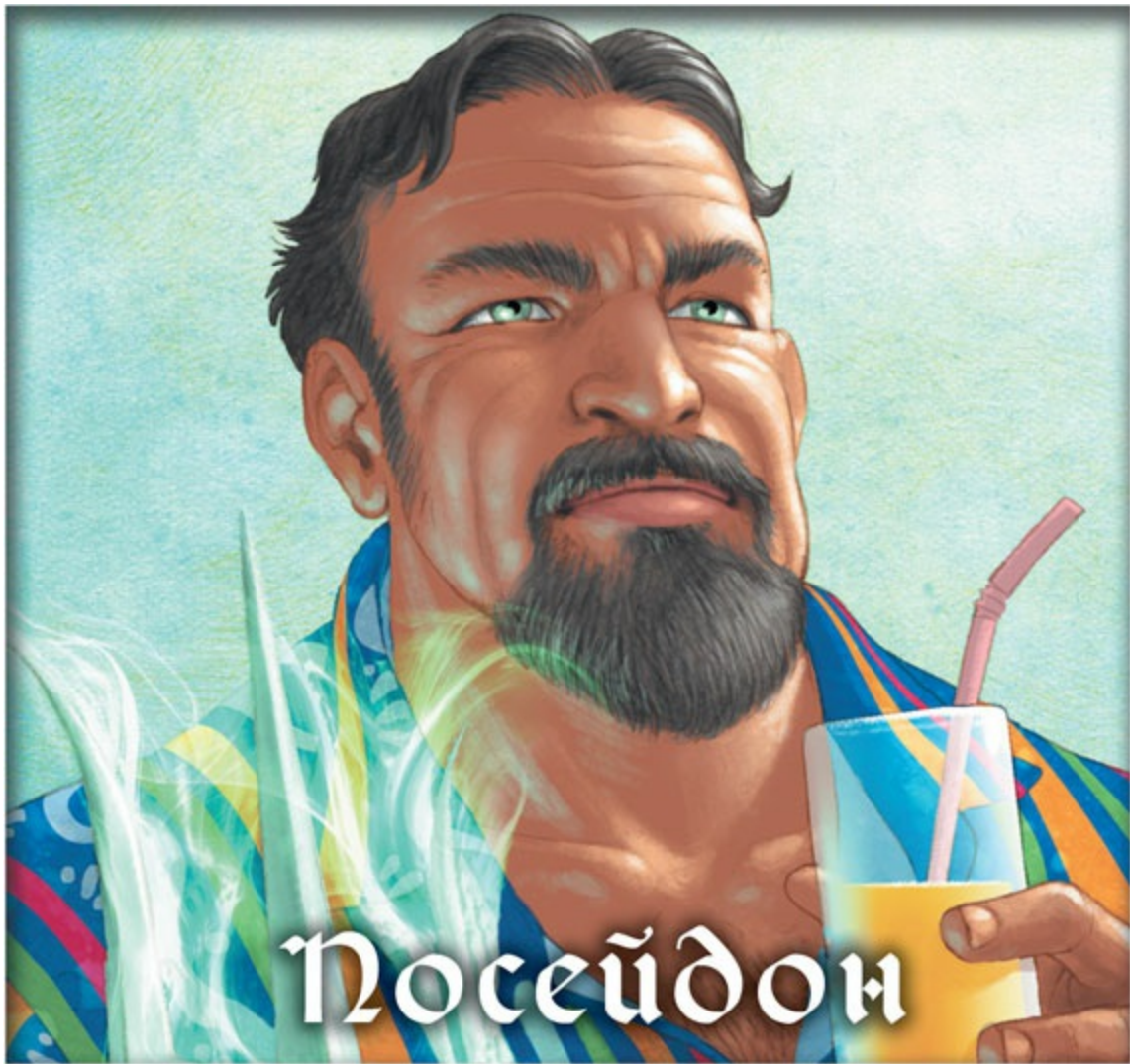
Хейли, который первым услышал эту историю

Также известен как
Повелитель Небес
Владыка горы Олимп
Один из Большой Тройки

Место проживания
Гора Олимп
(теперь находится на 600-м этаже Эмпайр-стейт-билдинг)

Оружие по выбору
Жезл, извергающий молнии

Также известен как

Бог Морей

Один из Большой Тройки

Отец Перси

Место проживания

Морские Глубины

Оружие по выбору

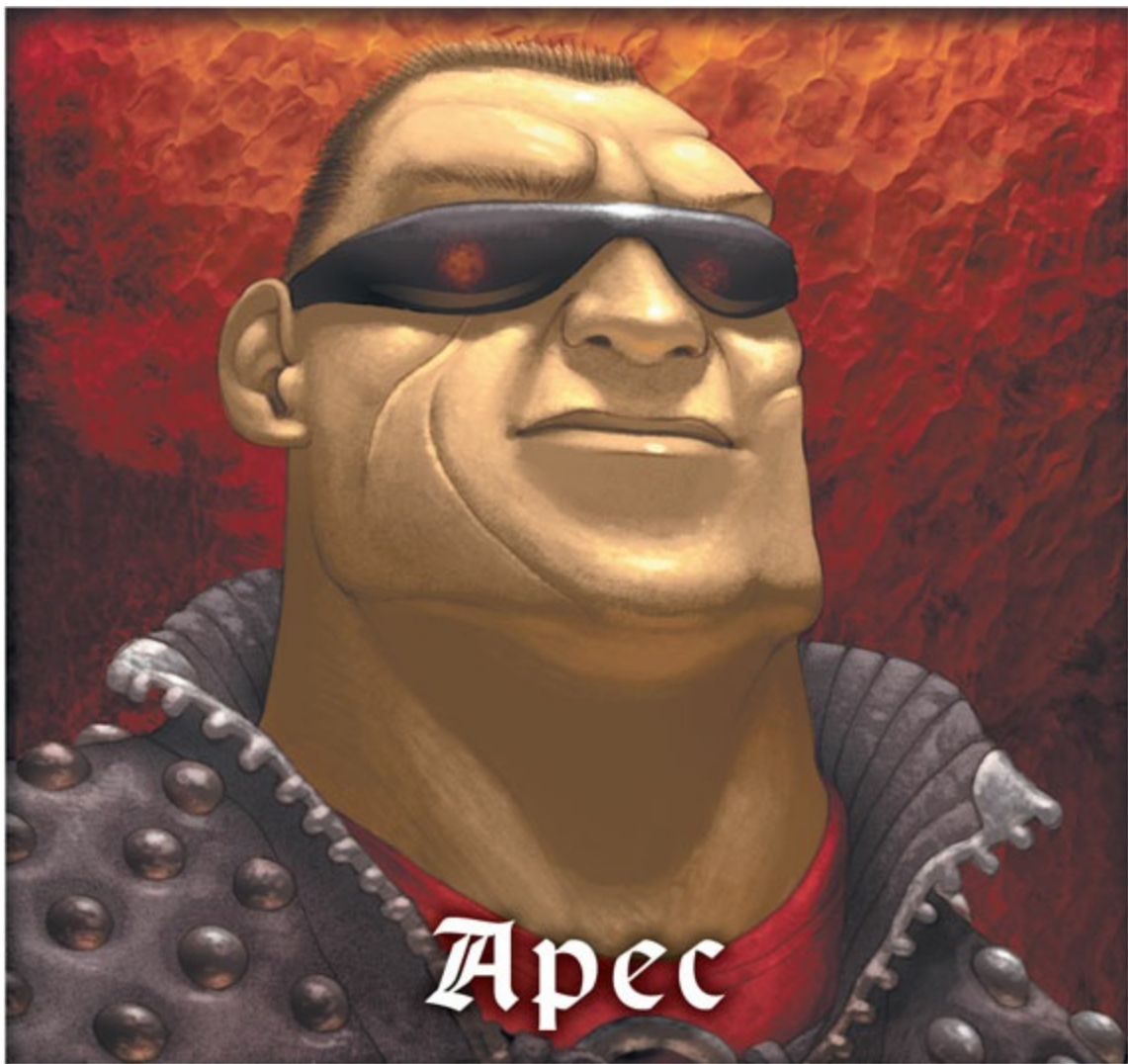
Трезубец

Также известна как
Богиня Мудрости и Войны
Мать Аннабет

Место рождения
Голова Зевса, откуда она появилась в полном боевом снаряжении

Оружие по выбору
Стратегия, хитрость и все, что подвернется под руку

Также известен как

Бог Войны

Отец Клариссы

Место проживания

Гора Олимп

(хотя на бампере его мотоцикла написано: «Я не родился в Спарте, но устремился сюда на всех парах»)

Оружие по выбору

Назови любое – он им воспользуется

Перси Джексон

Также известен как
Полубог, сын Посейдона
Рыбьи Мозги

Место проживания
Нью-Йорк, штат Нью-Йорк

Оружие по выбору
Анаклузмос

Также известна как
Полубог, дочь Афины
Умница-разумница

Место проживания
Сан-Франциско, штат Калифорния

Оружие по выбору
Волшебная бейсболка «Янкиз», делающая ее невидимой
Кинжал из небесной бронзы

Также известен как

Козленок

Лучший друг Перси

Место проживания

Лес вблизи Лагеря полукровок

Предпочитаемое оружие

Свирель из тростника

Также известен как
Мистер Браннер
Бессмертный учитель героев
Заместитель директора Лагеря полукровок

Место проживания
Лагерь полукровок, Лонг-Айленд, штат Нью-Йорк

Оружие по выбору
Лук и стрелы

Глава первая

Случайное исчезновение математички

Послушай, я не хотел быть полукровкой.

Если ты взялся читать эту книжку, потому что решил, будто сам полукровка, то вот тебе мой совет: закрой ее, и немедленно. Поверь всему, что наврут тебе мамуля с папулей насчет твоего рождения, и живи нормально.

Быть полукровкой опасно. Страшное дело. Сознание, что ты такой, убийственно, больно и гадко.

Если ты обычный парень и читаешь все это потому, что думаешь, будто это выдумки, — отлично. Читай дальше. Завидую, если ты веришь тому, что в жизни никогда ничего такого не было.

Но если ты узнаешь себя на этих страницах, если хоть что-то заденет тебя за живое, — сейчас же брось читать. Ты можешь оказаться одним из нас. А как только ты поймешь это, они рано или поздно тоже это учуют и явятся за тобой.

И не говори, что я тебя не предупреждал.

Зовут меня Перси Джексон.

Мне двенадцать. Еще несколько месяцев назад я ходил в частную среднюю школу-интернат Йэнси для трудновоспитуемых подростков штата Нью-Йорк.

То есть я трудновоспитуемый?

Что ж, можно сказать и так.

Я мог бы начать с любого момента моей короткой, жалкой жизни, чтобы доказать это, но в прошлом мае все действительно пошло наперекосяк. В общем, наш шестой класс поехал на экскурсию в Манхэттен — двадцать восемь дефективных подростков и двое учителей в желтом школьном автобусе, который вез нас к музею искусств Метрополитен поглазеть на древнеримские и древнегреческие шкурины.

Понимаю — смахивает на настоящую пытку. Большинство экскурсий в Йэнси такими и были.

Но на этот раз экскурсию вел наш латинист мистер Браннер, поэтому я еще на что-то надеялся.

Мистер Браннер был одним из тех парней среднего возраста, которые разъезжают в инвалидных колясках с моторчиком. Волосы у него жиденькие, борода нечесаная, и появлялся он всегда в поношенном твидовом пиджаке, от которого пахло чем-то вроде кофе. Крутым его, конечно, не назовешь, но он рассказывал нам разные истории, хохмил и разрешал гоняться друг за другом по классу. К тому же у него имелась потрясная коллекция римских доспехов и оружия, поэтому он был единственным учителем, на чьих уроках меня не клонило в сон.

Я надеялся, что экскурсия получится о'кей. По крайней мере — что хоть раз, в виде исключения, я ни во что не вляпаюсь.

Но, дружище, я ошибался.

Понимаешь, именно на экскурсиях со мной случаются всякие пакости. Взять хотя бы пятый класс, когда мы ездили осматривать поле сражения при Саратоге и у меня вышла

неприятность с пушкой повстанцев. Я и не собирался целиться в школьный автобус, но меня все равно поперли из школы. А еще раньше, в четвертом классе, когда нас возили сниматься на фоне самого крупного в мире бассейна для акул, я нажал какой-то не тот рычаг на подвесных лесах, и всему нашему классу незапланированным образом пришлось искупаться. А еще раньше... Впрочем, думаю, ты меня понял.

Во время этой экскурсии я решил держаться пайнкой.

Всю дорогу до города я собачился с Нэнси Бобофит – конопатой, рыжеволосой девчонкой со склонностью к клептомании, которая пуляла в затылок моему лучшему другу Гроуверу объедки сэндвича с арахисовым маслом и кетчупом.

Гроувер вообще был легкой мишенью. Слабак, он плакал, когда у него что-нибудь не получалось. Похоже, он просидел в одном классе несколько лет, потому что все лицо у него уже пошло прыщами, а на подбородке курчавилась редкая бороденка. Кроме того, Гроувер был инвалидом. У него имелась справка, что он до конца жизни освобождается от физкультуры из-за какого-то мышечного заболевания ног. Ходил он смешно, будто каждый шаг причинял ему страшную боль, но это только для отвода глаз. Посмотрели бы вы, как он со всех ног мчится в кафетерий, когда там пекут энчиладу^[1].

Короче, Нэнси Бобофит швыряла кусочки сэндвича, застревавшие в курчавых каштановых волосах Гроувера, зная, что я ничего не могу ей сделать, потому что и так на заметке. Директор грозился, что я вылечу, как пробка, если во время этой экскурсии случится что-нибудь нехорошее, возникнут непредвиденные трудности или я учиню даже самое невинное озорство.

– Я ее убью, – пробормотал я.

– Все путем, – постарался успокоить меня Гроувер. – Мне нравится арахисовое масло.

Он увернулся от очередной порции ланча Нэнси.

– Так, ну все. – Я стал уже подниматься с места, но Гроувер силой усадил меня обратно.

– У тебя уже и так испытательный срок, – напомнил он мне. – Сам знаешь, на кого всю вину свалят, если что случится.

Оглядываясь назад, я жалею, что не прибил Нэнси Бобофит прямо тогда. Даже если б меня выгнали из школы, это уже не имело значения, поскольку вскоре я влип в такой маразм, по сравнению с которым все остальное – чепуха.

Экскурсию по музею вел мистер Браннер. Он ехал впереди в инвалидной коляске, ведя нас через большие галереи, отзывавшиеся на наши шаги гулким эхом, мимо мраморных статуй и застекленных витрин, битком набитых настоящей черно-оранжевой глиняной посудой.

У меня пронеслась мысль, что всему этому уже две-три тысячи лет.

Мистер Браннер собрал нас вокруг тринадцатифутовой каменной колонны с большим сфинксом наверху и стал рассказывать, что это был надгробный камень, или стела, на могиле девочки примерно наших лет. Объяснял нам про рисунки, высеченные по бокам надгробия. Я старался слушать, что он говорит, потому что это было любопытно, но вокруг все болтали, и всякий раз, когда я просил их заткнуться, второй сопровождающий нас учитель, миссис Доддз, зло на меня поглядывала.

Миссис Доддз была какой-то мелкой сошкой, училкой математики из Джорджии, которая даже в пятьдесят носила черную кожаную куртку. Видок у нее был тот еще: казалось, она может загнать «харлей» прямо на крыльцо школы. Она появилась в Йэнси с

полгода назад, когда у нашего бывшего математика случился нервный срыв.

С первого же дня миссис Доддз возлюбила Нэнси Бобофит, а меня считала дьявольским отродьем. Она наставляла на меня свой скрюченный палец и ласково говорила: «Итак, дорогуша», и мне становилось ясно, что еще месяц придется торчать в школе после уроков.

Как-то раз, когда она до полуночи задавала мне вопросы на засыпку из какого-то старого учебника математики, я сказал Гроуверу, что, по-моему, миссис Доддз – не человек. Он посмотрел на меня абсолютно серьезно и ответил: «Ты совершенно прав».

Мистер Браннер продолжал рассказывать о греческих надгробиях и памятниках искусства.

Кончилось тем, что Нэнси Бобофит отпустила какую-то шуточку по поводу голого паренька на стеле, и, повернувшись к ней, я огрызнулся:

– Может, ты все-таки заткнешься?

И брякнул это громче, чем рассчитывал.

Все заржали. Мистер Браннер вынужден был прерваться.

– У вас какие-то дополнения, мистер Джексон? – спросил он.

– Нет, сэр, – ответил я, покраснев как помидор.

– Может быть, вы расскажете нам, что означает это изображение? – спросил он, указывая на один из рисунков.

Я поглядел на высеченную фигуру и почувствовал прилив облегчения, потому что действительно вспомнил, кто это.

– Это Кронос, пожирающий своих детей.

– Да, – сказал мистер Браннер, явно разочарованный. – И делал он это потому...

– Ну... – Я напряг память. – Кронос был верховным божеством и...

– Божеством? – переспросил мистер Браннер.

– Титаном, – поправился я, – и он не доверял своим детям, которые были богами. Хм... ну, Кронос и сожрал их. Но его жена спрятала младенца Зевса, а вместо него дала Кроносу камень. А потом, когда Зевс вырос, он обманом заставил папашу, Кроноса то есть, выbleвать обратно своих братьев и сестер...

– Ух ты! – высказалась какая-то девица позади.

– ...ну и возникла страшная потасовка между богами и титанами, – продолжал я, – и боги победили.

В группе моих одноклассников послышались сдавленные смешки.

– Похоже, нам это сильно пригодится в жизни, – пробормотала стоявшая за мной Нэнси Бобофит своей подруге. – Представь, ты приходишь устраиваться на работу, а тебе говорят: «Пожалуйста, объясните, почему Кронос проглотил своих детей».

– Ну, мистер Джексон, – подхватил Браннер, – и какое отношение, перефразируя превосходный вопрос мисс Бобофит, все это имеет к реальности?

– Съела? – пробормотал Гроувер.

– Заткнись, – прошипела Нэнси, лицо ее пылало даже ярче, чем волосы.

Наконец-то Нэнси тоже села в лужу. Мистер Браннер был единственный, кто не пропускал ни одного постороннего слова, сказанного у него на уроке. Не уши у него, а радары.

Я подумал над его вопросом и пожал плечами.

– Не знаю, сэр.

– Понятно. – Мистер Браннер слегка расстроился. – Придется снизить вам оценку вдвое,

мистер Джексон. Зевс действительно уговорил Кроноса отведать смеси вина и горчицы, что заставило последнего исторгнуть остальных пятерых детей, которые, разумеется, будучи бессмертными богами, жили и росли неперевавленными в утробе титана. Победив отца, боги разрезали его на мелкие кусочки его же серпом и разбросали его останки по Тартару, самой мрачной части преисподней. На этой оптимистичной ноте позвольте объявить, что настало время ланча. Не проводите ли вы нас обратно, миссис Доддз?

Класс потянулся из зала, девчонки хихикали, мальчишки толкались и дурачились.

Мы с Гроувером уже собирались последовать за ними, когда мистер Браннер обратился ко мне:

– Мистер Джексон.

Я понял, что сейчас будет.

И сказал Гроуверу, чтобы меня не дожидался. Затем повернулся к мистеру Браннеру.

– Сэр?

У мистера Браннера был такой вид... ясно, просто так он с меня не слезет... Его карие глаза глядели так пристально и пронзительно, будто ему было уже тысячу лет и он успел повидать все на свете.

– Вам следовало бы знать ответ на мой вопрос, – сказал мистер Браннер.

– Про титанов?

– Про настоящую жизнь. И каким образом ваша учеба связана с нею.

– А...

– То, чему учу вас я, – продолжал мистер Браннер, – жизненно важно. И я жду, что вы отнесетесь к этому с полной ответственностью. Испытание пройдут только лучшие, Перси Джексон.

Я почти разозлился, удар был чувствительный.

Конечно, здорово было в дни проведения так называемых турниров, когда, облачась в римские доспехи, мистер Браннер восклицал: «Да здравствует Цезарь!..» – и, острием меча указывая на мелок, заставлял нас мчаться к доске и писать имена всех известных римских героев, да кто были их матери, да каким богам они поклонялись. Но мистер Браннер, оказывается, ожидал, что я не отстану от остальных, хотя я страдал дислексией и расстройством внимания и никогда больше «тройки» в своей жизни не получал. Нет – он ожидал, что я не просто не отстану; он надеялся, что я окажусь лучше! А я просто не мог выучить все эти имена и факты и уж тем более правильно их написать.

Я пробормотал, что постараюсь, а мистер Браннер между тем долго и печально смотрел на стелу, будто лично присутствовал на похоронах этой девочки.

А потом сказал, чтобы я шел на ланч с остальными.

Класс расселся на ступенях перед входом в музей, откуда мы могли наблюдать толпу пешеходов на Пятой авеню.

В небе собиралась гроза, тучи были тяжелые, мрачные, чернее, чем я когда-либо видел. Я подумал: может, все дело в глобальном потеплении, потому что начиная с самого Рождества погода во всем штате Нью-Йорк была очень странная. На нас то обрушивались жуткие метели, то затопляло, то от удара молнии вспыхивали лесные пожары. Я не удивился бы, если б сейчас на нас надвигался торнадо.

Остальные, казалось, ничего не замечали. Мальчишки швырялись в голубей крекерами. Нэнси Бобофит пыталась прикарманить чего-то из сумочки некой дамы, и, конечно же,

миссис Доддз делала вид, что ничего не происходит.

Мы с Гроувером сидели на краю фонтана, подальше от остальных. Мы подумали, тогда никто не догадается, что мы из *этой* школы – школы для чокнутых бедолаг, которым все равно суждена одна дорожка.

– Велел остаться после уроков? – спросил Гроувер.

– Не-а, – ответил я. – Чтобы Браннер?.. Просто хочется, чтобы он хоть на минутку от меня отстал. То есть в том смысле – понял, что я не гений.

Какое-то время Гроувер сидел молча. Затем, когда я уже было решил, что сейчас он преподнесет мне какое-нибудь глубокое философское замечание, чтобы меня подбодрить, он сказал:

– Можно мне откусить от твоего яблока?

Аппетит у меня был неважный, поэтому я отдал ему яблоко целиком.

Я следил за потоком такси, ехавших по Пятой авеню, и думал о маминой квартирке, что находится дальше от центра, всего в нескольких шагах от того места, где мы сидели. Я не видел маму с Рождества. Мне ужасно хотелось сесть в такси и поехать домой. Она крепко обняла бы меня и была бы и рада, и разочарована. Она немедленно отослала бы меня обратно в Йэнси, напомнив, чтобы я старался, пусть даже это моя шестая школа за шесть лет и меня, возможно, снова выпрут. Эх, я бы не вынес ее печального взгляда!

Мистер Браннер на своей коляске остановился у основания пандуса для инвалидов. Он жевал сельдерей, читая роман в бумажной обложке. Над спинкой его коляски торчал красный зонтик, и это напоминало столик в кафе на колесах.

Я уже собирался развернуть сэндвич, когда передо мной возникла Нэнси Бобофит со своими подружками-уродками – думаю, ей надоело обворовывать туристов, – и вывалила свой наполовину недоеденный ланч прямо на колени Гроуверу.

– Упс! – Она нагло ухмыльнулась, глядя на меня и обнажив при этом щербатые зубы. Веснушки у нее были оранжевые, как если бы кто-то налепил ей на лицо крошки от «читос».

Я попытался сохранить спокойствие. Школьный воспитатель тыщу раз повторял мне: «Сосчитай до десяти и постарайся не выходить из себя». Но на меня что-то нашло, я просто обезумел. В ушах у меня словно рев прибора раздался.

Не помню, чтобы я хоть пальцем дотронулся до нее, но через мгновение Нэнси уже сидела на заднице в фонтане и вопила:

– Это Перси меня толкнул!

Миссис Доддз была уже тут как тут.

Ребята перешептывались.

– Ты видел?..

– ...ее будто кто-то затащил в воду...

Я не понимал, о чем они. Понимал только, что опять попал в переплет.

Удостоверившись, что бедная маленькая Нэнси в порядке, и пообещав купить ей новую рубашку в сувенирном отделе и т. д. и т. п., миссис Доддз повернулась ко мне. Взгляд ее торжествующе полыхал, будто я сделал что-то, чего она ждала весь семестр.

– Итак, дорогуша...

– Знаю, – огрызнулся я. – Теперь целый месяц придется корпеть над вашими заморочными задачками.

Ох, не надо было этого говорить!

– Пошли со мной, – велела миссис Доддз.

– Постойте! – взвизгнул Гроувер. – Это я! Я толкнул ее.

Я ошеломленно воззрился на него. Просто не верилось, что он пытается меня прикрыть! Миссис Доддз пугала Гроувера до смерти.

Она метнула на моего друга такой испепеляющий взгляд, что бороденка его задрожала.

– Я так не думаю, мистер Ундервуд, – заявила она.

– Но...

– Вы... останетесь... здесь!

Гроувер в отчаянии посмотрел на меня.

– Все в порядке, дружище, – отозвался я. – Спасибо за попытку.

– Дорогуша, – пролаяла мне миссис Доддз, – ты слышал?

Нэнси Бобофит самодовольно ухмыльнулась.

Я одарил ее своим фирменным взглядом «теперь-ты-покойница». Потом повернулся к миссис Доддз, но той уже не было рядом. Она стояла у входа в музей, на верху лестницы и жестами нетерпеливо подзывала меня.

Как она умудрилась так быстро подняться?

Мне сплошь и рядом приходилось переживать нечто подобное, когда я словно бы засыпал, а уже через мгновение видел, что кто-то или что-то пропало, словно из загадочной мозаики вселенной выпал кусочек и теперь мне остается только пялиться на пустое место. Школьный воспитатель говорил, что это часть моего диагноза – нарушение внимания при гиперактивности. Мой мозг неправильно истолковывал явления.

Я не был в этом так уж уверен.

Но пошел за миссис Доддз.

Дойдя до середины лестницы, я оглянулся на Гроувера. Он был бледен и переводил глаза с меня на мистера Браннера, словно хотел, чтобы тот заметил, что происходит, но мистер Браннер с головой погрузился в свой роман.

Я снова посмотрел вверх. Миссис Доддз опять исчезла. Теперь она была уже внутри музея, в дальнем конце вестибюля.

«Ладно, – подумал я. – Она хочет, чтобы я купил новую рубашку Нэнси в сувенирном отделе».

Однако план ее состоял явно не в этом.

Я последовал за ней в глубь музея. В конце концов, когда я догнал ее, мы снова оказались в греко-римском отделе.

Кроме нас, в галерее никого не было.

Миссис Доддз, скрестив руки, стояла перед большим мраморным фризом с изображением греческих богов. И производила такой странный горловой звук... похожий на рычание.

Тут было от чего разнервничаться. Странная штука – находиться наедине с учителем, особенно с миссис Доддз. Было что-то такое в ее взгляде, устремленном на фриз, будто она хотела стереть его в порошок...

– У нас из-за тебя проблемы, дорогуша, – сказала она.

Я постарался по возможности обезопасить себя и ответил:

– Да, мэм.

Она потянула свою кожаную куртку за манжеты.

– Ты что, правда думаешь, что тебе это сойдет с рук?

Миссис Доддз глядела на меня уже даже не как сумасшедшая. Просто воплощение

злости.

«Она учительница, – нервно подумал я. – Вряд ли она решится меня ударить».

– Я... я постараюсь, мэм... – пробормотал я.

Здание потряс гром.

– Мы не дураки, Перси Джексон, – произнесла миссис Доддз. – Найти тебя было делом времени. Признайся, и тебе не придется сильно страдать.

Я понятия не имел, о чем это она.

Единственное, что пришло мне в голову, – учителя нашли тайник со сладостями, которыми я приторговывал в своей комнате в общежитии. А может, они догадались, что я скачал сочинение по «Тому Сойеру» из Интернета, даже не читая книги, и теперь собираются аннулировать мою оценку? Или, того хуже, собираются заставить меня прочесть книгу.

– Итак? – настойчиво спросила миссис Доддз.

– Мэм, я не...

– Твое время истекло, – прошипела она.

И тут случилось нечто невероятное. Глаза ее загорелись, как угли для барбекю. Пальцы вытянулись, и на них появились когти. Куртка превратилась в длинные кожистые крылья. Она перестала быть человеком, обратившись в старую, сморщенную фурию с крыльями как у летучей мыши, когтями, пастью, из которой торчал целый частокол желтых клыков... и она явно собиралась разорвать меня на клочки.

Потом началось нечто еще более странное.

Мистер Браннер, который за минуту до того сидел снаружи перед музеем, вкатился на своем кресле в дверь галереи, зажав в пальцах шариковую ручку.

– Эй, Перси! – воскликнул он и подбросил ее в воздух.

Миссис Доддз кинулась на меня.

Пронзительно вскрикнув, я метнулся в сторону и почувствовал, как когти распороли воздух рядом с моим ухом. Я подхватил в воздухе шариковую ручку, но, оказавшись в моей ладони, она перестала быть ручкой. Это был меч – бронзовый меч мистера Браннера, которым он всегда вооружался в дни турниров.

Миссис Доддз развернулась ко мне, сверля смертоубийственным взглядом.

Коленки у меня стали как ватные. Руки так ужасно тряслись, что я чуть было не выронил меч.

– Умри, дорогуша! – хрипло прорычала миссис Доддз.

И ринулась прямоком на меня.

По моему телу пробежала дрожь неопишемого ужаса. И я сделал то, что напрашивалось само собой: выпад мечом.

Металлическое лезвие пронзило плечо фурии и прошло сквозь ее тело, как нож сквозь масло.

Миссис Доддз разлетелась, как песочный замок, в мощной струе воздуха. Она рассыпалась желтой пылью и будто испарилась на месте, оставив после себя только запах серы, предсмертный пронзительный визг и разлившийся в воздухе дьявольский холодок, такой, словно два ее пылающих красных глаза все еще следили за мной.

Я остался один.

С зажатой в кулаке шариковой ручкой.

Мистер Браннер куда-то подевался. В галерее не было никого, кроме меня.

Руки у меня все еще тряслись. Наверное, в мой ланч подмешали мухоморов... или от чего там бывают галлюцинации?

Неужели все это плод моего воображения?

Я вышел из музея.

Начался дождь.

Гроувер сидел возле фонтана, как палатку раскинув над головой карту музея. Нэнси Бобофит стояла все там же, вымокнув до нитки после купания в фонтане, и жаловалась своим подружкам-уродинам.

– Надеюсь, миссис Кэпп надрала тебе задницу, – сказала она, увидев меня.

– Кто? – спросил я.

– Наша учительница, болван!

Я заморгал от удивления. У нас никогда не было учительницы по имени миссис Кэпп! Я спросил Нэнси, о чем это она.

Она попросту выкатила на меня глаза и отвернулась. Я спросил Гроувера, где миссис Доддз.

– Кто? – удивился он.

После чего он замолчал и даже не взглянул на меня, так что я решил, что он меня дурачит.

– Не смешно, приятель, – сказал я ему. – Я на полном серьезе.

Над нами раздался раскат грома.

Тут я увидел мистера Браннера: он сидел под своим красным зонтиком и читал книжку так, словно вообще не двигался с места.

Я подошел к нему.

Он посмотрел на меня несколько рассеянно.

– А, вот и моя ручка. Пожалуйста, впредь приносите собственные письменные принадлежности, мистер Джексон.

Я даже не сразу понял, что по-прежнему держу ее. Я отдал мистеру Браннеру его ручку.

– Сэр, – спросил я, – где миссис Доддз?

– Кто? – Он непонимающе уставился на меня.

– Ну, другой преподаватель. Миссис Доддз. Учительница математики.

Мистер Браннер нахмурился и склонился ко мне, мягко и участливо глядя в глаза.

– Перси, с нами нет никакой миссис Доддз. Насколько мне известно, в школе Йэнси никогда не было миссис Доддз. Ты хорошо себя чувствуешь?

Глава вторая

Три старые дамы вяжут носки смерти

Я привык к разным происходящим время от времени странностям, но обычно они быстро проходили. Эта седьмая по счету круглосуточная галлюцинация оказалась мне не под силу. Оставшуюся часть школьного года мне казалось, что весь кампус меня разыгрывает. Ученики вели себя так, будто были на все сто уверены, что миссис Кэпп – бойкая и самоуверенная блондинка, которую я впервые в жизни увидел, когда она садилась в наш автобус после экскурсии, – была нашей математичкой с самого Рождества.

Всякий раз, когда я закидывал удочку насчет миссис Доддз, просто чтобы посмотреть, смогу ли я кого-нибудь расколоть, на меня глядели как на психа.

В результате я почти поверил им – миссис Доддз никогда не существовала.

Почти поверил.

Но Гроувер не смог бы меня одурачить. Когда я назвал ему имя Доддз, он немного растерялся, но потом решительно заявил, что такой не существует. Но я-то знал, что он врет.

Что-то происходило. Что-то случилось в музее.

Днем мне некогда было об этом думать, но по ночам образы миссис Доддз с когтями и кожистыми крыльями заставляли меня просыпаться в холодном поту.

Погода продолжала чудить, что не могло положительно повлиять на мое настроение. Как-то ночью ураган выбил стекла в моей комнате. Через несколько дней самый крупный торнадо, когда-либо замеченный в долине Гудзона, возник всего в пятидесяти милях от Йэнси. Одно из текущих событий, которое мы обсуждали на занятиях по социологии, было необычайно большое количество небольших самолетов, сбитых в этом году внезапными шквалистыми ветрами над Атлантикой.

Почти все время я пребывал в раздражении и заводился с пол-оборота. Оценки мои покатались под гору. Я все чаще ввязывался в перебранки с Нэнси Бобофит и ее подружками. Почти на каждом уроке меня выставляли в коридор.

Наконец, когда наш учитель английского мистер Николл в тысячный раз спросил, отчего я так ленюсь и не желаю выучить тесты по правописанию, я ему нагрубил. Назвал его старым, выжившим из ума пропойцей. Я даже не был уверен, что это значит, но звучало не слабо.

На следующей неделе директор послал маме письмо, официально уведомляющее, что на будущий год мне придется распрощаться с Йэнси.

Отлично, твердил я про себя. Просто отлично.

Мне ужасно хотелось домой.

Мне хотелось жить вместе с мамой в нашей квартирке в Верхнем Ист-Сайде, даже если придется ходить в бесплатную среднюю школу, ладить с моим препротивным отчимом и наблюдать, как он все вечера напролет режется в свой идиотский покер.

И все же... в Йэнси было что-то такое, о чем потом я буду скучать. Леса, вид на них открывался из окна моей комнаты, Гудзон вдалеке, запах сосен. Я буду скучать по Гроуверу, который был хорошим другом, пусть даже немного странным. Я беспокоился, как он переживет следующий год без меня.

И по урокам латыни я тоже буду скучать – мне будет не доставать глупых турниров

мистера Браннера и его веры в то, что я могу выиграть.

По мере того как приближалась экзаменационная сессия, я готовился только к тесту по латыни. Я не забыл, что сказал мне мистер Браннер: этот предмет будет для меня вопросом жизни и смерти. Сам не пойму почему, но я начал ему верить.

Вечером накануне последнего испытания я впал в такое отчаяние, что швырнул «Кембриджское руководство по греческой мифологии» в дверь своей комнаты в общежитии. Слова плыли и кружились у меня перед глазами, буквы выделяли «восьмерки», будто катались на скейтборде. Я ну никак не мог запомнить разницы между Хироном и Хароном или между Полидеком и Полидевком. Что уж там говорить про спряжение всех этих латинских глаголов.

Я расхаживал по комнате с таким чувством, словно под рубашкой у меня по телу ползают муравьи.

Я вспомнил серьезное выражение лица мистера Браннера, его глаза, которым, казалось, уже тысяча лет. «Испытание пройдут только лучшие, Перси Джексон».

Набрав полную грудь воздуха, я подобрал с пола книжку по мифологии.

До этого я никогда не просил учителей помочь мне. Может, мне поговорить с мистером Браннером? Он задал бы мне какие-нибудь наводящие вопросы, на что-нибудь намекнул. Так я хоть как-то заглажу вину за тот большой жирный «неуд», который получу на его экзамене. Мне не хотелось покидать Йэнси с мыслью, будто он решил, что я не постарался выучить его предмет.

Я спустился вниз, туда, где помещались кабинеты преподавателей. В большинстве помещений лампы уже не горели, было пусто, но дверь кабинета мистера Браннера стояла приоткрытой, и полоска света падала в коридор.

Я был уже в трех шагах от кабинета, когда услышал доносившиеся изнутри голоса. Мистер Браннер кого-то о чем-то спросил. Голос, явно принадлежавший Гроуверу, ответил: «...беспокоился насчет Перси, сэр».

Я замер.

Обычно я не подслушиваю, но попробуйте устоять, когда твой лучший друг говорит о тебе со взрослым.

Я подошел чуточку ближе.

– ...один этим летом, – говорил Гроувер. – Я имею в виду, единственный полукровка в школе! Теперь, когда мы в этом уверены и *они* тоже это знают...

– Мы только все испортим, если будем подталкивать его, – ответил мистер Браннер. – Нам нужно, чтобы мальчик созрел.

– Но у него может не оказаться времени. Летнее солнцестояние – это черта...

– Мы должны решиться сами, без него, Гроувер. Пусть наслаждается своим неведением, пока может.

– Сэр, он видел ее...

– Пусть думает, что у него разыгралось воображение, – стоял на своем мистер Браннер. – Туман, насланный на учеников и преподавателей, убедит его.

– Сэр, я... я не могу снова пренебречь своими обязанностями. – Гроувер задыхался от волнения. – Вы знаете, что это может означать.

– Ты ничем не пренебрегал, Гроувер, – мягко сказал мистер Браннер. – Я бы, так или иначе, разглядел, кто она такая. Теперь позаботимся о том, чтобы Перси дожил до

следующей осени...

Учебник по мифологии выпал у меня из рук и тяжело шмякнулся об пол.

Мистер Браннер замолчал.

Сердце бухало в груди. Подобрал книгу, я попятился назад по коридору.

За освещенной стеклянной дверью кабинета мистера Браннера скользнула тень, куда более высокая, чем мой прикованный к инвалидному креслу учитель, и державшая в руках нечто, подозрительно напоминавшее лук.

Открыв ближайшую дверь, я шмыгнул внутрь.

Через несколько секунд я услышал характерный звук, будто кто-то топал по полу деревянными башмаками, затем дыхание, словно какое-то животное принюхивалось к двери, за которой я прятался. Чей-то крупный темный силуэт помедлил перед стеклянной дверью, затем прошел мимо.

Пот капельками стекал у меня по шее.

Где-то в коридоре раздался голос мистера Браннера.

– Никого, – пробормотал он. – Нервы у меня совсем сдали после зимнего солнцестояния.

– У меня тоже, – ответил Гроувер. – Но могу поклясться...

– Возвращайся к себе, – велел мистер Браннер. – Завтра тебе предстоит долгий и трудный день.

– Лучше не напоминайте.

Свет в кабинете мистера Браннера погас.

Мне показалось, что я прождал в темноте целую вечность.

Наконец я выскользнул в коридор и вернулся к себе.

Гроувер лежал на своей кровати и шгудировал конспекты по латыни так, будто и не вставал.

– Привет, – сказал он, глядя на меня затуманенным взором. – Готов к тесту?

Я ничего не ответил.

– Выглядишь ужасно. – Он нахмурился. – Все в порядке?

– Просто... устал.

Я отвернулся, чтобы он не видел выражения моего лица, и стал готовиться ко сну.

Из того, что слышал внизу, я ничего не понял. Хотелось бы верить, что все это я просто себе навоображал.

Но одно было ясно наверняка: Гроувер и мистер Браннер говорили обо мне у меня за спиной. Они думали, что мне угрожает какая-то опасность.

На следующий день, когда я выходил из класса после трехчасового экзамена по латыни и перед глазами у меня кружились все греческие и римские имена, которые я переврал, мистер Браннер окликнул меня.

На мгновение я испугался: неужели он узнал, что вчера вечером я подслушал его разговор с Гроувером? Но дело было не в этом.

– Перси, – произнес мистер Браннер, – не расстраивайся, что приходится покидать Йэнси. Это... это к лучшему.

Он говорил мягко, участливо, и все же его слова встревожили меня. И хотя он сказал это вполголоса, остальные ребята, заканчивавшие тест, могли его услышать. Нэнси Бобофит одарила меня ухмылкой и язвительно скривила губы, изображая воздушный поцелуй.

– О'кей, сэр, – пробормотал я.

– Я хочу сказать... – Мистер Браннер раскачивал свою коляску взад-вперед, словно не был уверен, как продолжить. – Это неподходящее место для тебя. Дело было только во времени.

У меня защипало в глазах.

Мой любимый учитель перед всем классом говорит, что я и не мог справиться. Перед этим он целый год твердил, что верит в меня, и вот теперь говорит, будто я достоин того, чтобы меня выгнали.

– Конечно, – ответил я, весь дрожа.

– Нет, нет, – сказал мистер Браннер, – я все перепутал. Я пытаюсь сказать, что... ты не обычный мальчик, Перси. Это не имеет никакого отношения...

– Спасибо, – выпалил я. – Большое вам спасибо, сэр, что напомнили.

– Перси...

Но я уже убежал.

В последний день семестра я закинул свою одежду в чемодан.

Остальные ребята доводили меня, обсуждая свои планы на каникулы. Один собирался автостопом добраться до Швейцарии. Другие отплывали в месячный круиз по Карибам. Как и я, они были малолетние преступники, но богатые малолетние преступники. Их отцы занимали важные посты, были послами или знаменитостями. Я был никто, и звали меня никак.

Они спросили, что я собираюсь делать летом, и я сказал, что возвращаюсь в город.

Чего я им не сказал, так это того, что летом мне придется выгуливать собак или продавать подписку на журналы, а в свободное время – переживать, попаду ли я в школу осенью.

– А! – сказал один из них. – Это круто!

И они продолжали разговаривать, будто меня тут и нет вовсе.

Единственный, с кем я побаивался прощаться, был Гроувер, но, как выяснилось, делать этого не пришлось. Он заказал билет до Манхэттена на тот же «грейхаунд»^[2], что и я, поэтому мы снова оказались вместе и вместе ехали в город.

Во время путешествия Гроувер то и дело тревожно выглядывал в проход, наблюдая за другими пассажирами. Я сообразил, что он постоянно нервничал и дергался с тех самых пор, как мы выехали из Йэнси, как будто ждал: должно случиться что-то плохое. Сначала я подумал, что он беспокоится, что кто-нибудь начнет его дразнить. Но в «грейхаунде» дразнить его было некому.

В конце концов я устал сдерживаться.

– Высматриваешь тех, которые знают? – со значением спросил я.

Гроувер чуть не подпрыгнул на сиденье.

– Что... что ты имеешь в виду?

Я признался, что подслушал его разговор с мистером Браннером вечером накануне экзамена.

У Гроувера забегали глаза.

– И что ты успел услышать?

– Ну... не так чтобы много. Что это за черта – летнее солнцестояние?

Он вздрогнул.

– Послушай, Перси... Я просто беспокоился за тебя, понимаешь? Я имею в виду галлюцинации о математичках, которые превращаются в злых духов...

– Гроувер...

– И я рассказывал мистеру Браннеру, что, возможно, ты оказался в стрессовой ситуации, потому что никакой миссис Доддз не было и...

– Эх, Гроувер, врать ты все равно не умеешь.

У него зарделись уши.

– Возьми просто так, ладно? – Он выудил из кармана рубашки замусоленную карточку. – На случай, если я понадобится тебе летом.

Текст на карточке был набран замысловатым шрифтом – настоящая пытка для моих страдающих дислексией глаз, – но в конце концов мне удалось разобрать нечто вроде:

Гроувер УНДЕРВУД

Хранитель

Холм полукровок

Лонг-Айленд

Нью-Йорк

(800) 009-0009

– Каких полу?..

– Да тише ты! – умоляюще произнес Гроувер. – Это мой, ну... мой летний адрес.

Сердце у меня ушло в пятки. У Гроувера был летний дом. Мне никогда и в голову не приходило, что его семья может быть такой же богатой, как и у других учеников Йэнси.

– Ладно, – мрачно ответил я. – Может, и загляну как-нибудь в твой особняк.

Гроувер кивнул.

– Или... или если я тебе понадобится.

– А с чего это ты мне вдруг понадобишься?

Вопрос прозвучал резче, чем мне бы того хотелось.

Гроувер весь покрылся краской до самого кадыка.

– Послушай, Перси, правда в том... что я... я вроде как бы должен тебя защищать.

Я уставился на него.

Круглый год я ввязывался в перебранки и драки, чтобы оградить его от хулиганов. У меня даже сон пропал – так я беспокоился, что ему будет доставаться от ребят, когда меня нет. И тут вдруг он заявляет, что он *мой защитник*.

– Гроувер, – сказал я, – от чего конкретно ты собираешься меня защищать?

И тут у нас под ногами раздался оглушительный скрежещущий звук. Из-под приборной

доски повалил черный дым, и весь автобус наполнился запахом тухлых яиц. Водитель чертыхнулся, и «грейхаунд», переваливаясь с боку на бок, съехал на обочину шоссе.

Несколько минут водитель, громыкая железом, копался в моторе, а потом сказал, что всем надо выйти. Мы с Гроувером потянулись к выходу вслед за остальными пассажирами.

Выйдя, мы оказались на проселочной дороге – место такое, что и внимания не обратишь, если тут не случится авария. С нашей стороны шоссе росли исключительно клены, и вся земля под ногами была замусорена тем, что выбрасывали из проезжающих машин. На другой стороне, через четыре полосы асфальтовой дороги, над которой дрожало полуденное марево, располагался старомодный прилавок с фруктами.

Разложенный на нем товар выглядел привлекательно: громоздившиеся друг на друга ящики с кроваво-красными вишнями и яблоками, грецкие орехи и абрикосы, кувшины с сидром в ванне на ножках, полной льда. Клиентов не было, только три старые дамы сидели в креслах-качалках под сенью кленов и вязали пару самых больших носков, которые я когда-либо видел.

Я имею в виду, что носки эти были размером со свитер каждый, но это определенно были носки. Дама справа вязала один из них. Дама слева – другой. Леди посередине держала огромную корзину с пряжей цвета электрик.

Все трое выглядели глубокими старухами, бледная кожа лиц сморщилась, как увядшая фруктовая кожура, серебристо-седые волосы покрывали белые косынки в горошек, костлявые руки торчали из рукавов выцветших хлопчатобумажных платьев.

Самое странное то, что все трое, казалось, смотрели прямо на меня.

Я поглядел на Гроувера, чтобы сказать про них что-нибудь этакое, и увидел, что у моего друга аж вся кровь от лица отхлынула. И нос подергивался.

– Гроувер, – окликнул я. – Эй, парень...

– Скажи мне, что они не смотрят на тебя! Ведь смотрят же, разве нет?

– Да. Странно, правда? Думаешь, эти носки мне подойдут?

– Ничего смешного, Перси. Совсем даже не смешно.

Старая дама, сидевшая посередине, достала большие ножницы – золотые с серебром и длинные, как коса. Гроувер затаил дыхание.

– Пора садиться в автобус, – пробормотал он. – Пошли.

– Что? – переспросил я. – Да там сейчас настоящее пекло.

– Пошли! – Он распахнул дверцу и забрался внутрь, но я остался стоять на обочине дороги.

Странные дамы по-прежнему не сводили с меня глаз. Та, что посередине, перерезала пряжу, и, клянусь, я услышал лязг ножниц сквозь шум проезжавшего по четырем полосам транспорта.

Две ее подруги скатали ярко-синие носки, предоставив мне гадать, для кого же они предназначались – для Снежного Человека или Годзиллы.

Шофер между тем поднял капот в задней части автобуса и отвернул большую дымящуюся металлическую штуковину. Автобус вздрогнул, и мотор ожил, взревев.

Пассажиры радостно загомонили.

– Готово! – пронзительно выкрикнул шофер. Потом хлопнул по корпусу автобуса шляпой. – Всем на борт!

Как только мы тронулись с места, я почувствовал озноб, словно подхватил грипп.

Гроувер выглядел ненамного лучше. Его трясло, и зубы стучали друг о друга.

– Гроувер?

– Что?

– Что ты от меня скрываешь?

Он вытер потный лоб рукавом рубашки.

– Перси, что там было, сзади у фруктового прилавка?

– Ты про тех старых дам? Да что в них такого, приятель? Они ведь не... как миссис Доддз.

Выражение лица у Гроувера стало загадочным, но у меня появилось чувство, что дамы за прилавком хуже, гораздо хуже, чем миссис Доддз.

– Просто скажи, что ты видел, – попросил Гроувер.

– Та, что посредине, вытащила ножницы и перерезала пряжу.

Гроувер закрыл глаза и сделал такой жест, будто перекрестился, но это было не крестное знамение, а что-то другое, что-то... более древнее.

– Ты видел, как она перерезала нить, – заключил он.

– Да. Ну и что? – Но, едва сказав это, я почувствовал, что дело нешуточное.

– Пронесло, – пробормотал Гроувер. И стал грызть ноготь на большом пальце. – Не хочу, чтобы все случилось как в прошлый раз.

– Какой прошлый раз?

– Всегда шестой класс. Они никогда не упускают шестого.

– Гроувер! – Я повысил голос, потому что он и вправду начал пугать меня. – О чем это ты?

– Давай-ка я провожу тебя от автобусной остановки до дому. Согласен?

Просьба показалась мне странной, но я не возражал – пусть провожает.

– Это вроде суеверия, да? – спросил я.

Гроувер ничего не ответил.

– А то, что она перерезала пряжу, – значит, кто-то должен умереть?

Гроувер посмотрел на меня скорбно, словно уже подбирал цветы, которые я больше всего хотел бы увидеть на своей могиле.

Глава третья

Гроувер неожиданно теряет штаны

Признаваться, так уж начистоту: я бросил Гроувера, как только мы доехали до автовокзала.

Я знаю, знаю. Это было невежливо. Но он достал меня своими странностями: то глядел на меня, будто я покойник, то бормотал: «Почему это всегда случается?» и «Почему это всегда должен быть шестой класс?»

Когда Гроувер расстраивался, у него всегда срабатывал мочевого пузырь. Поэтому я не удивился, что, как только мы вышли из автобуса, он снова заставил меня пообещать, что я его подожду, и ринулся в ближайший общественный туалет. Вместо того чтобы ждать, я схватил чемодан, выскользнул из автобуса и поймал первое попавшееся такси, которое ехало в направлении жилых кварталов.

– Ист-Сайд, угол Первой и Сто четвертой, – сказал я водителю.

Пару слов о моей матери, прежде чем ты с ней познакомишься.

Зовут ее Салли Джексон, и она самый замечательный человек на свете, что только доказывает мою теорию: замечательным людям всегда чертовски не везет. Ее родители погибли в авиакатастрофе, когда ей было пять лет, и воспитывал ее дядя, который не слишком-то о ней заботился. Мама хотела стать писательницей, поэтому в старших классах копила деньги, чтобы поступить в колледж, где учили бы творчеству и сочинению книг. Потом у дяди нашли рак, и маме пришлось бросить школу на последнем году обучения, чтобы ухаживать за ним. Когда он умер, она осталась без денег, без семьи и без диплома.

Единственным светлым пятном на этом фоне было то, что она встретила с моим отцом.

Я практически ничего о нем не помню, кроме следа от его мягко светящейся улыбки. Мама не любит говорить о нем, потому что всегда расстраивается. Фотографий от него тоже не осталось.

Понимаешь, дело в том, что они так и не поженились. Мама рассказывала мне, что он был богатый и важный человек и отношения у них были тайные. Затем он однажды отправился через Атлантику в какую-то важную поездку, да так и не вернулся.

Пропал в море, так говорила мама. Не погиб. Пропал в море.

Она бралась за любую работу, какая подвернется, вечерами ходила на занятия, чтобы получить диплом об окончании средней школы, и воспитывала меня сама. Она никогда не жаловалась и не выходила из себя. Ни разу. Но я знал, что я – трудный ребенок.

Наконец она вышла замуж за Гейба Ульяно, который был замечательным парнем в первые тридцать секунд нашего знакомства, а затем проявил себя во всей красе как первоклассный подонок. Когда я был ребенком, то прозвал его Вонючка Гейб. И действительно, от этого парня так и разило, как от подгоревшей пиццы с чесноком в тренировочных штанах.

Оба мы сделали жизнь мамы совершенно невыносимой. То, как Вонючка Гейб третировал ее, то, как мы с ним ладили... в общем, мое возвращение домой – хороший пример.

Я вошел в нашу квартирку, надеясь, что мама уже вернулась с работы. Вместо этого я застал в гостиной Вонючку Гейба, игравшего в покер со своими друзьями. Телевизор орал на полную катушку. Чипсы и пивные банки были разбросаны по всему ковру.

Едва взглянув на меня, Гейб сказал, не вынимая сигары изо рта:

– Ну, вот ты и дома.

– А где мама?

– На работе, – ответил Гейб. – Деньжата есть?

В этом был весь он. Никаких тебе: «С возвращением! Рад тебя видеть. Как жизнь?»

Гейб располнел. Он походил на моржа без клыков в одежде из магазина уцененных товаров. На голове у него было три волосины, которые он аккуратно зачесывал на лысый череп, как будто это его хоть сколько-нибудь красило.

Вообще-то он работал менеджером в супермаркете электроники в Квинсе, но почти все время торчал дома. Не пойму, почему его оттуда давным-давно не выставили. Он регулярно получал зарплату, тратя деньги на сигары, от которых меня воротило, и, конечно, на пиво. Пиво, пиво и пиво. Когда бы я ни оказался дома, он ждал, что я пополню его игровые фонды. Он называл это нашим «мужским секретом». Что в переводе означало: если я проболтаюсь маме, он устроит мне хорошую выволочку.

– Деньжат нет, – ответил я.

Гейб поднял сальные брови.

Он чуял деньги, как гончая, что удивительно, поскольку его собственный запах должен был перебивать все остальные.

– От автобусной остановки ты ехал на такси, – заявил он. – Возможно, заплатил двадцатку. Значит, шесть-семь баксов сдачи у тебя должны были остаться. Всякий, кто рассчитывает жить под этой крышей, должен вносить свою лепту. Верно я говорю, Эдди?

Эдди, управляющий многоквартирным домом, бросил на меня взгляд, в котором промелькнула симпатия.

– Да брось ты, Гейб, – сказал он. – Парень только приехал.

– Верно я говорю? – повторил Гейб.

Эдди нахмурился, уставившись на миску с посыпанными солью крендельками. Два остальных парня одновременно пукнули.

– Ладно, – сказал я и, вытащив из кармана смятые доллары, швырнул их на стол. – Надеюсь, ты проиграешь.

– Я тут кое-что про тебя слышал, умник, – крикнул он мне вслед. – Так что на твоём месте я не стал бы задирать нос.

Я изо всех сил захлопнул дверь в свою комнату, которая на самом деле была не моей. Пока я был в школе, Гейб устроил здесь свой «кабинет». В «кабинете» этом хранились разве что его старые автомобильные журналы, но зато он обожал рыться в моих вещах в кладовке, ставить свои грязные башмаки на мой подоконник и делать все, чтобы комната провоняла его мерзким одеколоном, сигарами и прокисшим пивом.

Я бросил чемодан на кровать. Дом, милый дом!

Запах Гейба был едва ли не хуже кошмаров про миссис Доддз или клацанья ножниц старой дамы, перерезавшей пряжу.

Но стоило мне подумать об этом, как я почувствовал слабость в коленях. Я вспомнил, как запаниковал Гроувер, как он заставил меня пообещать, что я не пойду домой без него.

Неожиданно я весь похолодел. Я почувствовал, как кто-то – или что-то – наблюдает за мной прямо сейчас и, возможно, тяжело поднимается по лестнице, стуча длинными, жуткими когтями.

– Перси? – услышал я мамин голос.

Она открыла дверь спальни, и мои страхи моментально растаяли.

У меня могло подняться настроение только оттого, что мама просто вошла в комнату. Глаза ее искрились и меняли цвет в зависимости от освещения. Улыбка согревала, как теплое стеганое одеяло в холодную ночь. В маминых длинных каштановых волосах появилось несколько седых прядей, но я никогда не считал ее старой. Когда мама смотрела на меня, казалось, что она видит во мне одно только хорошее. Я никогда не слышал, чтобы она повышала голос и попрекнула кого-нибудь, даже Гейба.

– Ох, Перси. – Она крепко прижала меня к себе. – Просто не верится. Да ты вырос с Рождества!

Ее красно-бело-синяя униформа пахла всеми самыми замечательными вещами на свете: шоколадом, лакрицей – всем, чем она торговала в кондитерской «Гранд централ». Она принесла мне большой пакет «бесплатных образцов», как делала всегда, когда я возвращался домой.

Мы сидели рядышком на краю кровати. Пока я уплетал кисленькие брусничные пирожки, мама ерошила мне волосы и требовала, чтобы я рассказал ей все, о чем не писал в письмах. Она ни словом не упомянула, что меня исключили. Казалось, это ее не волнует. Но зато маму интересовало, в порядке ли я, все ли хорошо у ее мальчика.

Я сказал маме, что она меня задушит, что ей нужно отдохнуть и всякое такое и – по большому секрету – я правда очень рад был видеть ее.

– Эй, Салли, – крикнул Гейб из другой комнаты, – как там насчет чего-нибудь пожевать? Я заскрежетал зубами.

Моя мама – прекраснейшая женщина на свете. Ей бы выйти замуж за миллионера, а не за такого подонка, как Гейб.

Для ее же блага я описал свои последние дни в Йэнси в самых жизнерадостных и оптимистических тонах. Сказал, что не очень-то переживаю из-за исключения. Почти весь год я держался молодцом. Завел несколько новых друзей. По латыни стал одним из первых. И, если честно, ссоры и драки были вовсе не такими ужасными, как расписывает директор. Школа в Йэнси мне нравилась. Правда. Год у меня получился просто радужный, так что я чуть было сам в это не поверил. У меня чуть слезы не навернулись, когда я подумал о Гроувере и мистере Браннере. Даже Нэнси Бобофит вдруг показалась не такой уж дрянью.

До той экскурсии в музей...

– Что? – спросила мама. Глаза ее так и лезли мне в душу, пытаюсь выведать все мои секреты. – Тебя что-то испугало?

– Нет, мама.

Врать было неприятно. Мне захотелось рассказать ей про миссис Доддз и трех старых дам с пряжей, но я подумал, что это прозвучит глупо.

Мама надула губы. Она понимала, что я что-то скрываю, но не хотела на меня давить.

– У меня для тебя сюрприз, – объявила она. – Мы едем к морю.

– В Монтаук?

– На три дня... в тот же домик.

– Когда?

– Как только я переоденусь, – улыбнулась мама.

Я просто не верил своим ушам! Мы с мамой не были в Монтауке последние два лета, потому что Гейб говорил, что денег не хватает.

Появившись в дверях, он проворчал:

– Так дашь нам что-нибудь пожевать, Салли? Ты что, оглохла?

Я хотел было ему врезать, но встретился глазами с мамой и понял, что она предлагает мне сделку: потерпи Гейба еще немного, будь с ним поласковой. Только пока она не подготовится к поездке в Монтаук. А потом – только нас и видели!

– Я уже иду, милый, – сказала она Гейбу. – Мы просто разговаривали о поездке.

– О поездке? – Гейб сузил глаза. – Так ты что, серьезно об этом говорила?

– Так я и знал, – пробормотал я. – Он нас непустит.

– Конечнопустит, – ровным голосом возразила мама. – Твой отчим просто беспокоится из-за денег. Только и всего. А кроме того, – добавила она, – Габриелю не придется беспокоиться о том, что ему пожевать. Я наготовлю ему фасоли на целый уик-энд. И гуакамоле^[3]. И сливочный соус.

– Значит, деньги на поездку... мы вычтем из денег, отложенных на тряпки? – Гейб немного смягчился.

– Да, милый, – ответила мама.

– И ты возьмешь мою машину, только чтобы доехать туда и обратно?

– Мы будем очень осторожны.

– Может, если ты поскорее что-нибудь приготовишь... – Гейб поскреб двойной подбородок. – И если мальчишка извинится за то, что прервал нашу партию в покер.

«Может, я дам тебе хорошего пинка, – подумал я. – Найду уязвимое место, так что будешь у меня целую неделю петь сопрано».

Но мамины глаза предупредили, чтобы я перестал его злить.

Зачем только она спуталась с этим парнем? Мне хотелось завопить. Почему она так заботится о том, что он подумает?

– Извиняюсь, – пробормотал я. – Я правда извиняюсь, что прервал твою невероятно важную игру в покер. Пожалуйста, возвращайся к ней.

Глаза Гейба сузились. Вероятно, он пытался сообразить своим умишком, нет ли в моих словах какого подвоха.

– Ну, так и быть, – согласился он.

И вернулся доигрывать партию.

– Спасибо, Перси, – сказала мама. – Как только приедем в Монтаук, там и наговоримся, и ты расскажешь мне все, что забыл сказать, ладно?

На мгновение мне почудилось, что я увидел промелькнувшую в ее глазах тревогу – такой же страх, какой я видел на лице Гроувера, когда мы ехали в автобусе, – словно мама тоже почувствовала в воздухе странный холодок.

Но потом она улыбнулась, и я подумал, что ошибаюсь. Мама взъерошила мне волосы и пошла готовить Гейбу его жратву.

Через час мы были готовы.

Гейб даже прервал игру, чтобы самолично проследить, как я складываю мамины сумки в машину. Он все ныл и охал, что ему будет не хватать кухарки, а самое главное – его «камаро» весь остаток недели.

– И не вздумай хоть чуть-чуть ее поцарапать, умник, – предупредил он меня, когда я складывал последнюю сумку. – Чтоб ни одной крохотной царапины.

Как будто я собирался вести машину! Мне было всего двенадцать. Но для Гейба это не имело никакого значения. Если бы чайка случайно нагадила на его свежевыкрашенную машину, он нашел бы способ обвинить в этом меня.

Глядя, как он ковыляет обратно к дому, я до того взбесился, что сделал нечто, чего сам до сих пор не пойму. Когда Гейб дошел до двери, я поступил точно так же, как Гроувер в автобусе. Я повторил его жест, предохраняющий от зла: словно когтями вырвал сердце и швырнул в Гейба. Решетчатая дверь захлопнулась с такой силой и так звонко шлепнула его по заднице, что Вонючка буквально взлетел по лестнице, словно в него выстрелили из пушки. Может, это был порыв ветра или что-то приключилось с петлями – узнать я уже не успел.

Забравшись в «камаро», я открыл маме дверцу.

Лачуга, которую мы снимали, стояла на южном берегу, недалеко от оконечности Лонг-Айленда. Это был крохотный синий домишко с выцветшими занавесками, наполовину заметенный песком. Простыни тоже всегда оказывались в песке, и повсюду кишели пауки, а море чаще всего было слишком холодным, чтобы купаться.

Я любил это место.

Мы ездили сюда с тех пор, когда я был еще совсем маленьким. А мама и того дольше. Она никогда ничего определенного не говорила, но я знал, что этот пляж для нее особенный. Это было место, где она встретила с отцом.

Чем ближе мы подъезжали к Монтауку, тем моложе становилась мама, годы бесконечных тревог и тяжелой работы куда-то исчезали. Глаза у нее приобретали цвет моря.

Мы приехали на закате, открыли все окна и, как обычно, принялись за уборку. Потом мы пошли на пляж, стали кормить чаек синими кукурузными чипсами, а сами тем временем лакомились голубыми жевательными драже с фруктовой начинкой, голубыми солоноватыми ирисками – словом, перепробовали все угощения, которые мама бесплатно принесла с работы.

Кажется, мне следует объяснить про синюю еду.

Видишь ли, Гейб как-то сказал маме, что синей еды не бывает. Они разругались, что по тем временам казалось мелочью. Но с тех пор мама просто помешалась на том, чтобы абсолютно все продукты были синие. К дням рождения она пекла синие торты. Она взбивала черничные муссы. Она покупала синие кукурузные лепешки и приносила из магазина синюю выпечку. Все это – вместе с тем, что она сохранила девичью фамилию Джексон и никогда не называла себя миссис Ульяно, – означало, что Гейбу не удалось прижать ее к ногтю. В ней, как и во мне, была мятежная жилка.

Когда стемнело, мы развели костер. Стали жарить хот-доги. Мама рассказывала мне про те времена, когда была ребенком, еще до того, как ее родители погибли в авиакатастрофе. Мама говорила о книгах, которые собиралась написать когда-нибудь, когда она скопит достаточно денег, чтобы уйти из кондитерской.

Наконец я набрался мужества спросить о том, что всегда было у меня на уме, когда бы мы ни приезжали в Монтаук, – о своем отце. Взгляд мамы затуманился. Я понимал, что она расскажет мне то же, что всегда, но я никогда не уставал слушать это.

– Он был добрым, Перси, – сказала мама. – Высокий, красивый, мужественный и сильный. Но и мягкий – тоже. Ты знаешь, тебе достались от него черные волосы и зеленые

глаза. — Мама вынула из сумки горсть жевательных драже. — Хотелось бы мне, чтобы ты увидел его, Перси. Он бы так тобой гордился.

Я удивился тому, что она это сказала. Что во мне такого замечательного? Дислексия, гиперактивность, сплошные тройки в табели успеваемости — парень, которого выгоняют из школы в шестой раз за шесть лет.

— Сколько мне было? — спросил я. — Я имею в виду, когда он уехал.

Мама поглядела на пламя.

— Он провел со мной только одно лето, Перси. Вот здесь, на этом пляже. В этом домике.

— Но... он знал меня, когда я был маленьким?

— Нет, милый. Он знал, что я жду ребенка, но никогда не видел тебя. Ему пришлось уехать до твоего рождения.

Я постарался увязать это с тем, что помнил об отце: теплое свечение, улыбка.

Я всегда считал, что он знал меня ребенком. Мама никогда прямо этого не говорила, но я все же чувствовал, что это так. И вот теперь услышать, что он никогда меня не видел...

И тут я рассердился на отца. Может быть, и глупо, но я упрекал его за то, что он отправился в свое океанское путешествие и что у него не хватило мужества жениться на маме. Он бросил нас, и теперь хочешь не хочешь, а приходится жить с Вонючкой Гейбом.

— Ты снова собираешься меня куда-нибудь отправить? — спросил я. — Еще в какой-нибудь интернат?

Мама ворошила палкой огонь.

— Не знаю, милый. — Голос у нее стал низким, грудным. — Я думаю... Я думаю, мы найдем выход.

— Потому что ты не хочешь, чтобы я путался у тебя под ногами?

Я пожалел о своих словах, едва успел сказать их.

На глазах у мамы блеснули слезы. Взяв меня за руку, она крепко сжала ее.

— Ох, Перси, нет. Просто я... я должна, милый. Для твоего же собственного блага. Я должна отправить тебя куда-нибудь.

Ее слова напомнили мне то, что сказал мистер Браннер: для меня только лучше уехать из Йэнси.

— Потому что я — с отклонениями от нормы, — сказал я.

— Ты говоришь так, будто это плохо, Перси. Но ты не понимаешь всей своей важности. Я думала, что пансионат Йэнси достаточно далеко. Думала, что ты наконец-то будешь в безопасности.

— В безопасности от чего?

Мама встретилась со мной взглядом, и на меня нахлынули воспоминания — все странное, пугающее, что когда-либо происходило со мной и что я старался забыть.

В третьем классе какой-то дядька в длинном черном плаще погнался за мной на игровой площадке. Когда учителя пригрозили вызвать полицию, он ушел, злобно ворча, и никто не хотел мне верить, что под шляпой с широкими полями у него был всего лишь один глаз — прямо посередине лба.

А перед этим — очень-очень давно. Я учился тогда в подготовительном классе, и учительница положила меня вздремнуть в кроватку, куда заползла змея. Мама пронзительно закричала, когда пришла за мной, но увидела, что я играю с безвольной чешуйчатой веревкой: мне каким-то образом удалось задушить змею своими толстыми, неуклюжими ручонками.

В каждой школе случалось что-то жуткое, что-нибудь небезопасное, и я все время был вынужден переводиться из одного места в другое.

Я понимал, что мне следовало бы рассказать маме о трех старых дамах за фруктовым прилавком и о миссис Доддз в художественном музее, о своей странной галлюцинации, что ударом меча я обратил в прах свою математичку. Но я все никак не мог решиться. У меня было странное чувство, что эти новости прервут нашу поездку в Монтаук, а мне этого не хотелось.

– Я старалась, чтобы ты держался как можно ближе ко мне, – вздохнула мама. – Но они сказали мне, что это ошибка. Но есть только один выбор, Перси... место, куда тебя хотел послать отец. А я... я просто не могу это вынести.

– Отец хотел отправить меня в спецшколу?

– Не в школу, – мягко проговорила мама. – В летний лагерь.

Голова у меня закружилась. Почему папа, который даже не захотел задержаться, чтобы увидеть мое рождение, сказал маме про какой-то летний лагерь? И если это было так важно, почему она ни разу не упомянула об этом прежде?

– Прости меня, Перси, – сказала она, поняв, что выражали мои глаза. – Но я не могу говорить об этом. Я... я не могу отправить тебя туда. Возможно, это означает распрощаться с тобой навсегда.

– Навсегда? Но если это только летний лагерь?..

Мама отвернулась к огню, и по ее лицу я понял, что, если буду расспрашивать дальше, она заплачет.

В ту ночь мне приснился яркий, отчетливый сон.

Штормило, и два прекрасных животных – белая лошадь и золотой орел – бились не на жизнь, а на смерть у полосы прибоя. Орел камнем бросался вниз и вспарывал лошадиную морду мощными когтями. Лошадь разворачивалась и, брыкаясь задними ногами, старалась переломать орлу крылья. Пока происходила битва, земля тряслась, и какой-то чудовищный голос хохотал под землей, науськивая животных друг на друга.

Я бросился к ним, понимая, что должен остановить смертоубийство, но бежал я как в замедленном кино. Я понимал, что опоздаю. Я видел, как орел ринулся вниз, целясь клювом в широко раскрытые глаза лошади, и я завопил: «Нет!»

Проснулся я как от толчка.

Снаружи действительно штормило: такой шторм ломает деревья и сносит дома. На берегу не было ни лошади, ни орла, только молнии, озарявшие все как днем, и двадцатифутовые волны, с грохотом разрывающихся снарядов рушащиеся на дюны.

Следующий удар грома разбудил маму. С широко раскрытыми глазами она села на кровати и промолвила только одно слово: «Ураган!»

Я понимал, что это безумие. В начале лета над Лонг-Айлендом никогда не бывает ураганов. Но, казалось, океан про это забыл. Сквозь рев ветра я расслышал вдалеке утробный звук, полный злобы и муки, от которого волосы у меня встали дыбом.

Затем, уже куда ближе, раздался странный звук – будто кто-то бил по песку молотком для игры в крокет. И чей-то отчаянный голос – кто-то пронзительно вопил, стуча в дверь нашей хибары.

Мама выскочила из постели в ночном халате и откинула задвижку.

В дверном проеме на фоне сплошной стены ливня стоял Гроувер. Но это был не... был

не совсем Гроувер.

– Я искал всю ночь, – задыхаясь, произнес он. – О чем вы думали?

Мама в ужасе посмотрела на меня, не потому что испугалась Гроувера, а оттого, *зачем* он пришел.

– Перси, – она старалась перекрыть дождь, – что случилось в школе? Почему ты мне ничего не рассказал?

Я застыл как вкопанный, глядя на Гроувера. Я не верил собственным глазам!

– O Zeu kai alloi theoi! – возопил он. – Оно прямо за мной! Ты не рассказал ей?

Я был слишком ошеломлен, чтобы обратить внимание на то, что он выругался на древнегреческом и я прекрасно его понял. И слишком потрясен, чтобы задуматься над тем, как Гроувер сам добрался сюда посреди ночи. Потому что на Гроувере не было штанов, а вместо ног у него были... вместо ног у него были...

Мама сурово посмотрела на меня и произнесла таким тоном, какой я слышал от нее впервые:

– Перси! Скажи мне немедленно!

Я, запинаясь, стал нести что-то про старых дам за фруктовым прилавком и миссис Доддз, а мама в упор уставилась на меня, и лицо ее во вспышках молний было мертвенно-бледным.

Схватив сумочку, она швырнула мне мой дождевик и скомандовала:

– В машину. Оба. Немедленно!

Гроувер побежал к «камаро», но сказать «побежал» было бы не совсем точно. Он скакал рысцой, трясая лохматыми бедрами, и внезапно история о мышечном расстройстве его ног обрела для меня совершенно иной смысл. Я понял, как он мог мчаться с такой скоростью и при этом хромать при ходьбе.

Потому что вместо ступней у него были раздвоенные копыта.

Глава четвертая

Мама учит меня бою быков

Мы мчались сквозь ночь по темным проселкам. Ветер хлестал по «камаро». Дождь сплошным потоком стекал по лобовому стеклу. Не понимаю, как мама могла что-то видеть, но она изо всех сил давила на газ.

Всякий раз при вспышке молнии я смотрел на сидевшего рядом со мной на заднем сиденье Гроувера и гадал: то ли я сошел с ума, то ли он вырядился в какие-то замысловатые лохматые штаны? Но нет, запах был точно такой же, как тогда в детском саду, когда нас водили на экскурсию на площадки молодняка: пахло ланолином, как от шерсти. Запах скотного двора.

– Значит, ты и мама... знакомы? – только и сумел сказать я.

Гроувер стрельнул глазами в зеркало заднего вида, хотя машин сзади не было.

Ну, не то чтобы знакомы, ответил он, – я имею в виду, мы никогда не встречались лично. Но она знала, что я за тобой наблюдаю.

– Наблюдаешь за мной?

– Вроде зрителя. Чтобы удостовериться, что с тобой все в порядке. Но я был твоим другом и не притворялся, – торопливо добавил он. – Я и вправду твой друг.

– Хм... а кто же ты на самом деле?

– В данный момент это неважно.

– Неважно? Начиная от пояса, мой лучший друг оказался ослом...

Гроувер издал резкий горловой звук, напоминавший ржанье.

Я слышал, как он ржал, и раньше, но всегда считал это приступом нервного смеха. Теперь же я понял, что это, скорее, раздраженное мычанье.

– Козел! – вскрикнул он.

– Что?

– Нижняя часть у меня козлиная.

– Ты только что сказал, что это не важно.

– Мэ-э-э! Есть сатиры, которые забили бы тебя копытами за такое оскорбление!

– Вот это да! Постой. Сатиры! Ты вроде как... из мифов мистера Браннера?

– Выходит, те старые дамы за прилавком с фруктами тоже миф, Перси? И миссис Доддз миф?

– Так, значит, ты допускаешь, что миссис Доддз была на самом деле?

– Конечно.

– Тогда почему?..

– Чем меньше ты будешь знать, тем меньше монстров навлечешь на свою голову, – сказал Гроувер так, будто это было совершенно очевидно. – Мы навели на людей Туман. Надеялись, что ты примешь это за галлюцинации. Но все без толку. Ты стал понимать, кто ты.

– Кто я... погоди-ка минутку, что ты имеешь в виду?

Странный рев снова раздался позади нас, я уже слышал его, но на этот раз он приблизился. Кто бы за нами ни гнался, он по-прежнему несся по нашему следу.

– Перси, – вмешалась мама, – слишком многое надо объяснить, а времени мало. Мы должны доставить тебя в безопасное место.

– Безопасное? Но от кого и от чего? Кто за мной гонится?

– Ничего особенного, – ответил Гроувер, явно задетый моим замечанием насчет осла. –

Всего лишь повелитель мертвых и несколько его кровожадных любимчиков.

– Гроувер!

– Простите, миссис Джексон. Пожалуйста, не могли бы вы ехать немного быстрее?

Я старался рассудком охватить все, что происходит кругом, но мне это не удавалось. Я понимал, что это не сон. С воображением у меня было туговато. Мне никогда не могло присниться что-нибудь настолько странное.

Мама круто свернула влево. Мы выехали на более узкую дорогу и помчались мимо темных фермерских домов, лесистых холмов и надписей «ЧУЖУЮ КЛУБНИКУ НЕ РВАТЬ» на белых частоколах.

– Куда мы едем? – спросил я.

– В летний лагерь, про который я тебе говорила. – Голос матери звучал напряженно, ради меня она изо всех сил пыталась скрыть свой страх. – Туда, куда хотел отправить тебя отец.

– Туда, куда ты не хотела, чтобы я ехал.

– Пожалуйста, дорогой, – взмолилась мама. – Все слишком серьезно. Попробуй понять. Ты в опасности.

– Потому что какие-то старые дамы перерезают пряжу?

– Это были не старые дамы, – сказал Гроувер. – Это были богини Судьбы. Понимаешь ли ты, что это означает... то, что они явились перед тобой? Они делают это, только когда ты... когда кто-нибудь вот-вот умрет.

– Вау! Ты сказал «ты».

– Нет. Я сказал «кто-нибудь».

– Ты имел в виду меня.

– Я имел в виду тебя как нечто обобщенное. Не тебя лично, разумеется.

– Мальчики! – оборвала нас мама.

Она резко крутанула баранку вправо, и я на мгновение заметил фигуру того, от кого она уворачивалась, – темные, трепещущие на ветру очертания, которые потом словно сдуло штормом.

– Что это было? – спросил я.

– Мы уже почти там, – отозвалась мама, не обращая внимания на мой вопрос. – Еще милю. Ну, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Я не знал, где это «там», но я лежал в машине, опрокинувшись на сиденье, и мне хотелось, чтобы мы наконец приехали...

Снаружи были только дождь и тьма – пустынная загородная местность, которую проезжаешь, когда добираешься на дальнюю оконечность Лонг-Айленда. Я подумал о миссис Доддз и о том, как она превратилась в тварь с острыми клыками и кожистыми крыльями. Мои конечности дрожали от настигшего меня потрясения. Она действительно была не человеком! Она хотела убить меня!

Потом я вспомнил о мистере Браннере... и мече, который он мне бросил. Прежде чем я успел спросить об этом Гроувера, волосы у меня на голове встали дыбом. Последовала ослепительная вспышка, пробравший меня до костей грохот, и наша машина взорвалась.

Помню чувство невесомости, и меня как будто сплющило, обожгло и облило водой из шланга одновременно.

Отлепившись лбом от спинки водительского сиденья, я сказал:

– Вау!

– Перси! – крикнула мама.

– Я в порядке...

Я постарался стряхнуть с себя оцепенение. Я был жив. Машина на самом деле не взорвалась. Мы съехали в кювет. Водительские дверцы заклинило в грязи. Крыша треснула, как яичная скорлупа, и дождь хлестал сквозь дырки.

Молния. Это было единственное объяснение. Нас скинуло с дороги. Рядом со мной на заднем сиденье лежало нечто большое, неподвижное и бесформенное.

– Гроувер!

Он тяжело осел набок, кровь струйкой стекала у него из уголка рта. Я потряс его мохнатое бедро, думая: «Нет! Даже если мой лучший друг – наполовину животное со скотного двора, я не хочу, чтобы он умирал!»

Потом Гроувер простонал: «Еды», и я понял, что надежда осталась.

– Перси, – сказала мать, – мы должны... – Ее голос пресекся.

Я оглянулся. При вспышке молнии сквозь заляпанное грязью заднее стекло я увидел фигуру, которая, ковыляя, подбиралась к нам по обочине. При виде ее мурашки побежали у меня по всему телу. Это был темный силуэт могучего парня, похожего на футбольного игрока. На голову у него было наброшено что-то вроде одеяла. Торс мускулистый и покрыт шерстью. Поднятые руки походили на рога.

Я с трудом проглотил комок слюны.

– Кто это?..

– Перси, – сказала мать до ужаса спокойным голосом, – выметайся из машины.

Потом она бросилась к водительской дверце. Та завязла в грязи. Я попробовал открыть свою. То же самое. В отчаянии я посмотрел на отверстие в крыше. Оно могло послужить выходом, но края его были рваные и дымились.

– Вылезай через другую дверцу! – велела мать. – Перси... ты должен бежать. Видишь то большое дерево?

– Что?

Еще одна вспышка молнии, и сквозь дымящуюся дыру в крыше я увидел дерево, которое она имела в виду: огромная сосна, размером с рождественскую елку в Белом доме, росла на вершине ближайшего холма.

– Это граница участка, – сказала мама. – Заберись на холм и вниз, в долине, увидишь большой фермерский дом. Беги к нему и не оглядывайся. Кричи что есть сил, чтобы тебе помогли. Не останавливайся, пока не добежишь до двери.

– Мам, ты тоже пойдешь со мной!

Лицо ее было бледным, глаза – печальные, так она обычно глядела на океан.

– Нет! – закричал я. – Ты пойдешь со мной. Помоги мне вытащить Гроувера.

– Дайте мне еды! – простонал Гроувер чуть громче.

Человек с одеялом на голове приближался к нам, порывая и пофыркивая. Когда он подошел поближе, я понял, что он не может держать одеяло на голове, потому что его руки – мощные, мясистые руки – болтались по бокам. И никакого одеяла не было. Если только считать его массивную косматую голову, слишком крупную, чтобы быть его головой... – его головой. А кончики того, что напоминало рога...

– Мы ему не нужны, – пояснила мне мать. – Ему нужен ты. Кроме того, я не могу

пересекать границу участка.

– Но...

– Некогда, Перси. Иди. Пожалуйста!

Тут я просто обезумел от злости на свою мать, на козла Гроувера, на рогатое существо, – походившее на быка... да, на быка, – которое, пошатываясь, медленно и целенаправленно подбиралось к нам.

Я перелез через Гроувера и, распахнув дверцу, оказался под дождем.

– Мы пойдем вместе. Давай, мам.

– Я же тебе сказала...

– Мам! Я тебя не оставлю. Помоги мне с Гроувером.

Я не стал дожидаться, что она ответит. Я вылез сбоку и вытащил Гроувера. Он оказался на удивление легким, хотя я не смог бы отнести его очень далеко без маминой помощи.

Мы взяли Гроувера под мышки и, спотыкаясь, стали карабкаться вверх по холму в мокрой траве, доходившей нам до пояса.

Оглянувшись, я впервые ясно разглядел монстра. Он был семи футов ростом, с руками и ногами, словно с обложки журнала для культуристов – бугристые бицепсы, трицепсы и всякие прочие «цепсы» бейсбольными мячами выпирали из-под оплетенной венами кожи. Одежды на нем не было вовсе, кроме ослепительно белых подштанников, что выглядело бы забавно, не будь верхняя часть его туловища такой устрашающей. Жесткие бурые волосы росли прямо от пупка и становились все гуще к плечам. Шея его представляла нагромождение мускулов, покрытых шерстью, и венчалась огромной головой с мордой длиной с мою руку. В сочащихся ноздрях соплях поблескивало медное кольцо, черные глаза смотрели свирепо, а рога – кончики огромных черно-белых рогов были настолько острые, что никакой электроточилкой так не заточишь.

Я прекрасно узнал монстра. Он был героем одной из самых первых историй, которые рассказывал нам мистер Браннер. Но не мог же он быть настоящим!

Дождь заливал мне глаза, и приходилось постоянно моргать.

– Это...

– Сын Пасифаи, – сказала мать. – Жаль, что я не знала, до чего ж им не терпится убить тебя.

– Но это же Мин...

– Не произноси его имени, – предупредила мама. – Имена тоже наделены силой.

Сосна была по-прежнему очень далеко – по меньшей мере, ярдах в ста вверх по холму.

Я снова бросил быстрый взгляд назад.

Человекобык склонился над нашей машиной, заглядывая в окна, – точнее говоря, не заглядывая. Он все больше сопел и принюхивался. Я не совсем понимал, что его так беспокоит, ведь мы были всего в каких-то пятидесяти футах.

– Дайте поест, – простонал Гроувер.

– Тс-с-с-с, – сказал я ему. – Мама, что он делает? Он что, не видит нас?

– Зрение и слух у него – никуда, – ответила она. – Он идет по запаху. Но скоро он сообразит, где мы.

Словно напав на след, человекобык яростно заревел. Он поднял «камаро» Гейба за разбитую крышу, причем шасси надсадно закрипели. Занес машину над головой и швырнул на дорогу. Врезавшись в мокрый асфальт, она проехала еще с полмили, разбрызгивая вокруг сноп искр, прежде чем остановилась. Бензобак взорвался.

«Ни царапины», – припомнил я слова Гейба.

Упс!

– Перси, – сказала мама, – как только он увидит нас, он сразу же бросится. Дождись последней секунды, а потом беги, прыгая из стороны в сторону. Он не может менять направление, когда бросается. Понял?

– Откуда ты все это знаешь?

– Я уже давно беспокоилась, что они могут напасть на тебя. Мне следовало этого ожидать. Я была эгоистичной, когда держала тебя при себе.

– Держала меня при себе? Но...

Еще один взрыв яростного рева, и человекобык, оглушительно топоча, ринулся вверх по холму.

Он учуял нас.

Сосна была теперь всего в нескольких ярдах, но холм становился все более крутым и скользким, а Гроувер отнюдь не полегчал.

Человекобык стремительно приближался. Еще несколько секунд – и он настигнет нас.

Силы у мамы были уже, наверное, на исходе, но она продолжала поддерживать Гроувера за плечо.

– Давай, Перси! По отдельности! Помни, что я сказала.

Мне не хотелось шарахаться из стороны в сторону, но возникло ощущение, что она права и это наш единственный шанс. Я бросился влево, повернулся и увидел, что монстр догоняет меня. Его черные глаза горели ненавистью. Он то и дело срыгивал тухлым мясом.

Опустив голову, монстр кинулся вперед, нацелив свои острые, как бритва, рога прямо мне в грудь.

Страх, засевший у меня в желудке, подталкивал меня рвануться вперед, как стрела, но это не сработало бы. Мне было ни за что не опередить это существо. Поэтому я развернулся и в последний момент отпрыгнул в сторону.

Человекобык промчался мимо, как грузовой поезд, затем заревел от отчаяния и повернулся, но на этот раз не ко мне, а к матери, которая в этот момент усаживала Гроувера на траву.

Мы взобрались на вершину холма. По другую его сторону, точь-в-точь как говорила мать, я увидел долину и желтый свет в окнах фермерского дома, различимый сквозь дождь. Но все это примерно в полумиле. Нам никогда до них не добраться.

Человекобык заворчал, роя землю ногами. Теперь он смотрел на мою мать, которая медленно отступала вниз по холму, к дороге, стараясь отвлечь чудовище от Гроувера.

– Беги, Перси! – крикнула она мне. – Я не могу идти дальше. Беги!

Но я стоял на месте, застыв от страха, когда чудовище бросилось на нее. Мама попыталась увернуться, как советовала мне, но монстр усвоил урок. Выбросив вперед руку, он схватил ее за шею и не дал ей отскочить. Когда он поднял ее, мама продолжала бороться, руками и ногами колошматя по воздуху.

– Мама!

Она перехватила мой взгляд и сдавленным голосом снова выкрикнула:

– Беги!

Затем чудовище со злобным рычанием сомкнуло свои ручищи на шее моей матери, и она растаяла у меня на глазах, обратившись в свет, в мерцающую золотистую оболочку, как если бы была голографическим изображением. Ослепительная вспышка и... ее попросту не стало.

– Нет!

Мой страх сменился гневом. Вновь обретенные силы жгли меня изнутри – я почувствовал тот же прилив энергии, как тогда, когда увидел, как у миссис Доддз выросли когти.

Человекобык подобрался к Гроуверу, беспомощно лежавшему на траве. Монстр сгорбился над ним, обнюхивая моего лучшего друга так, словно собирался поднять Гроувера и тоже заставить его исчезнуть.

Я не мог этого допустить!

Я сорвал с себя свой красный дождевик.

– Эй! – завопил я что было мочи, размахивая курткой и забегая сбоку от монстра. – Эй, дурень! Кусок говядины!

– Р-р-р-rrrrrr! – Чудовище обернулось ко мне, потрясая своими увесистыми кулачищами.

У меня возникла мысль – возможно, глупая, но все лучше, чем совсем ничего. Прислонившись к большой сосне, я стал размахивать красной курткой перед человекобыком, рассчитывая в последний момент отпрыгнуть в сторону.

Но все случилось совсем не так.

Человекобык ринулся вперед слишком быстро, вытянув руки, чтобы схватить меня, куда бы я ни отпрянул.

Время замедлилось.

Мои ноги напряглись. Я не мог отскочить в сторону, поэтому я подпрыгнул вверх, оттолкнувшись, как от трамплина, от головы этого существа, перевернулся в воздухе, правда не слишком высоко, и приземлился прямо ему на шею.

Как только мне это удалось? Соображать было некогда. Долей секунды позже монстр со всего размаху врезался головой в дерево, и сила удара была такой, что мне чуть не вышибло зубы.

Человекобык, пошатываясь, стал бродить вокруг дерева, стараясь стряхнуть меня. Я вцепился в его рога, чтобы он меня не сбросил. Гром и молнии бушевали вовсю. Дождь застил мне глаза. Нос мой наполнился отвратительным запахом гнилого мяса.

Монстр замотал головой и взбрыкнул, как бык на родео. Он мог просто повернуться к дереву и расплющить меня об него, как лепешку, но постепенно я понял, что эта тварь была запрограммирована только на движение вперед.

Между тем лежавший в траве Гроувер застонал. Я хотел было завопить, чтобы он заткнулся, но побоялся, что откушу себе язык, поскольку меня так мотает из стороны в сторону.

– Еды! – воззвал Гроувер.

Человекобык развернулся к нему, снова стал рыть землю и приготовился к нападению. Я вспомнил о том, как он выжал жизнь из моей матери, заставил ее исчезнуть, как вспышку света, и ярость разлилась по моим жилам, как легковоспламеняющееся горючее. Ухватившись обеими руками за один из рогов, я дернул его на себя что есть мочи. Чудовище напряглось, удивленно заворчало и вдруг – треск!

Человекобык завопил и подбросил меня в воздух. Я навзничь упал в траву. Голова моя с силой ударилась о камень. Когда я сел, перед глазами у меня стоял туман, но в руке я держал рог – зазубренную кость размером с нож.

Монстр снова бросился на меня.

Даже не думая, что делаю, я перекатился с боку на бок и встал на колени. Когда чудовище пушечным ядром пронеслось мимо, я метнул сломанный рог прямо в его мохнатую грудную клетку.

Человекобык заревел в агонии. Он заметался на земле, терзая когтями грудь, а затем начал распадаться – не как моя мать, вспышкой золотистого света, а как крошащийся песок, который сдувает порыв ветра, совсем как миссис Доддз.

Монстр исчез.

Дождь кончился. Гроза продолжала бушевать, но уже где-то вдалеке. От меня разило, как от домашнего скота, колени тряслись. Голова, казалось, раскалывалась от боли. Я чувствовал себя слабым, перепуганным и содрогался от горя. Только что на моих глазах исчезла мама. Мне хотелось броситься на землю и разрыдаться, но надо было помочь Гроуверу, поэтому я не без труда поднял его на ноги, и мы, пошатываясь, побрели навстречу огням в окнах фермерского дома. Я плакал, звал маму, но в то же время крепко держал Гроувера – я не мог позволить ему умереть.

Последнее, что мне запомнилось, это как я рухнул на деревянное крыльцо, увидел вращавшийся надо мной вентилятор, вокруг которого вилась мошкара, и суровые лица странно знакомого мне бородатого мужчины и хорошенькой девочки со светлыми, выющимися, как у принцессы, волосами. Оба смотрели на меня, и девочка сказала:

– Это он. Иначе и быть не могло.

– Тише, Аннабет, – ответил мужчина. – Он все еще в сознании. Отведи его в дом.

Глава пятая

Я играю в безик с конем

Мне снились странные сны – настоящий скотный двор. Большинство животных хотело убить меня. Другие требовали есть.

Должно быть, я просыпался несколько раз, но то, что я слышал и видел, не имело никакого смысла, и я снова погружался в сон. Помню, как я лежал на мягкой постели и меня из ложечки кормили чем-то по вкусу похожим на маслянистый попкорн, только это был пудинг. Девочка с волнистыми светлыми волосами склонялась надо мной, ухмыляясь всякий раз, когда ей приходилось ложкой счищать кусочки еды у меня с подбородка.

– А что должно случиться в летнее солнцестояние? – спросила она, увидев, что я открыл глаза.

Что? хрипло переспросил я.

Девочка оглянулась, словно испугавшись, что кто-нибудь может нас услышать.

Что происходит? Что-то украли? И у нас только несколько недель?

– Извини, – пробормотал я. – Я не...

Кто-то постучал в дверь, и девочка проворно запихнула мне в рот ложку пудинга.

Когда я в следующий раз очнулся, ее уже не было.

Рослый и крепкий красавчик, похожий на серфера, наблюдал за мной, стоя в углу спальни. У него были голубые глаза – как мне показалось, целая дюжина – на щеках, на лбу, на тыльной стороне ладоней.

Когда я окончательно пришел в себя, то вокруг меня не оказалось ничего странного, не считая того, что все было намного красивее, чем я привык. Я сидел в шезлонге на высоком крыльце, и взгляд мой скользил над лугами, упираясь в зеленые холмы, видневшиеся вдалеке. Легкий ветерок доносил аромат клубники. Ноги мои укрыли одеялом, под голову подложили подушку. Все это прекрасно, однако во рту у меня был такой вкус, будто там свили гнездо скорпионы. Все зубы болели, шершавый и распухший язык едва ворочался.

На столике рядом со мной стоял высокий стакан с питьем. По виду оно напоминало холодный яблочный сок, на зеленую соломинку с бумажным зонтиком была насажена мараскиновая вишенка.

У меня так ослабели руки, что, взяв стакан, я чуть не выронил его.

– Осторожно, – произнес знакомый голос.

Гроувер стоял, прислонившись к перилам крыльца, с таким видом, будто он не спал целую неделю. Под мышкой он бережно держал коробку из-под ботинок. На нем были джинсы и ярко-оранжевая футболка с надписью: «ЛАГЕРЬ ПОЛУКРОВОК». Старый добрый Гроувер – точь-в-точь как прежде. И никаких сатиров.

Так что, может, это был кошмар? Может, с мамой все в порядке? Сейчас по-прежнему выходные, и мы почему-то остановились в этом большом доме. И...

– Ты спас мне жизнь, – сказал Гроувер. – Я... что ж, я, по крайней мере, смог... вернуться на холм. Я подумал, что тебе этого хотелось.

Поклонившись, он поставил коробку мне на колени.

Внутри оказался черный с белым бычий рог, сломанный и зазубренный у основания, на

острые запеклась кровь. Нет, это был не кошмар.

– Минотавр, – вспомнил я.

– Хм, Перси, не слишком хорошая мысль произносить это вслух...

– Так его называют в греческих мифах, да? – настойчиво повторил я. – Минотавр.

Наполовину человек, наполовину бык.

Гроувер потоптался на месте.

– Ты был в отключке два дня. Что ты помнишь?

– Мама. Она действительно?..

Гроувер опустил глаза.

Я посмотрел вдаль, через луг. Там зеленели рощицы, вился, струясь, речной поток, под синим небом расстилались клубничные поля. Долину окружали округлые склоны холмов, и самый высокий, прямо перед нами, был тот, на котором росла раскидистая сосна. Даже это дерево на вершине казалось прекрасным в лучах солнца.

Итак, моя мать умерла. Весь мир станет черным и холодным. В нем уже не будет места прекрасному.

– Прости, – шмыгнул носом Гроувер. – От меня одни несчастья. Я... я самый плохой сатир в мире.

Он застонал, с такой силой топнув ногой о землю, что она отскочила. То есть я, конечно, хочу сказать, что с ноги соскочил высокий ботинок. Внутри оказался пенопласт с отверстием для копыта.

– О Стикс! – пробормотал Гроувер.

В чистом небе раздались раскаты грома.

Пока Гроувер старался натянуть ботинок, я подумал: «Что ж, неплохо».

Гроувер был сатиром. Я почти не сомневался, что если сбрить его курчавые каштановые волосы, то под ними обнаружатся маленькие рожки. Но я чувствовал себя слишком несчастным, чтобы беспокоиться о существовании сатиров или даже минотавров. Все мои мысли сводились лишь к одному: моя мама обратилась в ничто, растворилась в желтом свете.

Я был один-одинешенек. Сирота. Мне придется жить с... Вонючкой Гейбом? Нет. Этого не будет. Сначала буду жить на улицах. Потом притворюсь, что мне семнадцать, и вступлю в армию. Что-нибудь придумаю.

Гроувер все еще хныкал. Бедный парень – бедный козел, сатир, да какая теперь разница, – он словно ждал, что его прибьют.

– Ты не виноват, – сказал я.

– Нет, это моя вина. Мой долг был – защищать тебя.

– Это моя мать попросила тебя, чтобы ты меня защищал?

– Нет. Но такая уж у меня работа. Я хранитель. По крайней мере... был.

– Но зачем... – У меня внезапно закружилась голова, перед глазами все поплыло.

– Не напрягайся, – испугался Гроувер. – На вот.

Он помог мне взять стакан и ухватить соломинку губами.

Вкус меня ошеломил, ведь я думал, что это яблочный сок. Ничего подобного. Это было шоколадное печенье. Жидкое печенье. Причем не какое-то там печенье – точно такое, синее, готовила дома мама, маслянистое и горячее, во рту просто таяло. По мере того как я втягивал в себя этот напиток, по всему телу разливалось приятное тепло, я ощущал приток энергии. Мое горе никуда не делось, просто я чувствовал себя так, словно мама, совсем как в детстве,

поглаживает меня рукой по щеке, дает мне напиться и говорит, что все будет хорошо.

Я даже не заметил, как выпил стакан до дна. Я заглянул в него, уверенный, что там еще осталось теплое питье, однако в стакане оказались кубики льда, которые даже не успели раствориться.

– Понравилось? – спросил Гроувер.

Я кивнул.

– А какой у него примерно вкус? – В его голосе слышалась легкая зависть, так что я даже почувствовал себя виноватым.

– Прости. Надо было дать тебе попробовать.

Гроувер сделал большие глаза.

– Нет! Я совсем не то имел в виду. Просто так... замечтался.

– Шоколадный коктейль, – сказал я. – Мамин. Домашний.

– И как ты себя чувствуешь? – вздохнул Гроувер.

– Как будто могу отшвырнуть Нэнси Бобофит на сто ярдов.

– Это хорошо, – заявил Гроувер. – Это очень хорошо. Думаю, ты не рискнешь выпить больше этого напитка?

– Что ты имеешь в виду?

Он осторожно взял у меня пустой стакан, словно это был динамит, и поставил обратно на стол.

– Пошли. Хирон и мистер Д. ждут.

Крыльцо тянулось вокруг всего Большого дома.

Походка у меня была нетвердой, я еще не привык ходить так далеко. Гроувер предложил понести рог Минотавра, но я не выпустил коробку из рук. Слишком дорого достался мне этот сувенир. Теперь-то уж я с ним не расстанусь.

Когда мы достигли противоположного конца дома, я перевел дух. Мы находились, наверное, на северном берегу Лонг-Айленда, потому что с этой стороны долина простиралась до самой воды, которая поблескивала примерно в миле от нас. Лежавшее между нами и заливом пространство представлялось непостижимым, как мираж. Ландшафт был испещрен зданиями, напоминавшими древнегреческую архитектуру – открытый павильон, амфитеатр, круглая арена, – только все это выглядело новехоньким, и беломраморные колонны блестели на солнце. На посыпанной песком площадке неподалеку дюжина старшеклассников и сатиров играла в волейбол. По глади небольшого озера скользили лодки. Ребята в ярко-оранжевых футболках, таких же, как у Гроувера, гонялись друг за другом вокруг рассыпанных по лесу домиков. Некоторые стреляли по цели из лука. Другие катались верхом по лесной тропе, и, если это не галлюцинация, некоторые лошади были крылатыми.

В дальнем конце крыльца за карточным столиком сидели двое мужчин. Светловолосая девочка, кормившая меня с ложечки пудингом с запахом попкорна, облокотилась на перила рядом с ними.

Мужчина, сидевший лицом ко мне, был невысоким, но тучным. Красный нос, большие водянистые глаза и вьющиеся волосы, такие черные, что они даже казались немного фиолетовыми. Он был похож на живописное изображение малютки ангела... как их называют... кверуфимами? Нет, херувимами. Так правильно. Он походил на херувима, который дожил до среднего возраста где-нибудь в маленьком городке. На нем была тигровой

расцветки гавайская рубашка, и он смотрелся бы вполне уместно на каком-нибудь покерном вечере Гейба, хотя у меня создалось впечатление, что этот парень даст сто очков вперед моему отчиму.

– Это мистер Д., – шепнул мне Гроувер. – Он директор лагеря. Так что будь вежлив. Девочку зовут Аннабет Чейз. Она просто живет в лагере, но пробыла здесь дольше всех. А с Хироном ты уже знаком...

Он указал на мужчину, сидевшего напротив мистера Д., спиной ко мне.

Первое, что бросилось мне в глаза, – мужчина сидел в инвалидной коляске. Затем я узнал твидовый пиджак, редкие каштановые волосы, чахлую бороденку.

– Мистер Браннер! – воскликнул я.

Учитель латыни обернулся и с улыбкой посмотрел на меня. Глаза его блестели тем же озорным блеском, как в минуты, когда он устраивал всему классу очередной опрос и никому выше четверки не ставил.

– А, вот и славно, Перси, – сказал он. – Теперь нас как раз четверо, чтобы составить партию в безик.

Он предложил мне кресло справа от мистера Д., который посмотрел на меня налитыми кровью глазами и тяжело вздохнул.

– Ах да, совсем забыл, я ведь должен был сказать: «Добро пожаловать в Лагерь полукровок». Вот. А теперь не жди, что я буду радоваться встрече с тобой.

– Уф, спасибо, – сказал я, отодвинувшись от него чуть подальше, потому что из общения с Гейбом твердо научился определять, кто из взрослых любителей веселящего напитка, а кто нет.

Если мистер Д. был трезвенником, то я, простите, сатир.

– Аннабет! – окликнул мистер Браннер светловолосую девочку. Она подошла к нам, и учитель нас познакомил. – Эта молодая леди выходила тебя, Перси, и поставила на ноги. Аннабет, дорогая, почему бы тебе не пойти и не проверить, приготовили ли койку для Перси? Пока поселим его в домике номер одиннадцать.

– Конечно, Хирон, – ответила Аннабет.

Она была моей ровесницей, может, на пару дюймов повыше и намного более атлетического сложения. С ровным загаром и волнистыми белокурыми волосами – в моем представлении она выглядела как типичная калифорнийская девчонка, если бы этот образ не разрушали ее глаза. Они были поразительные, темно-серые, как грозовые тучи, красивые, но внушающие невольную робость, так, словно эта девчонка обдумывала, как лучше втянуть меня в драку.

Аннабет бросила взгляд на рог Минотавра в моей руке, затем снова посмотрела на меня. Я воображал, что она скажет: «Ты убил Минотавра!», или: «Ух ты, такой бесстрашный!», или что-то в этом роде.

Но девчонка выпалила:

– А ты, когда спишь, пускаешь слюни!

Затем она стремительно бросилась вниз по лужайке, ее белокурые волосы развевались на ветру.

– Так вы, значит, работаете здесь, мистер Браннер? – сказал я, стараясь как можно скорее сменить тему.

– Я не мистер Браннер, – ответил мой бывший учитель. – Скорей, это был мой псевдоним. Можешь называть меня Хирон.

– О'кей. – Окончательно смутившись, я посмотрел на директора. – А мистер Д...это тоже что-то означает?

Мистер Д. перестал тасовать карты. Он посмотрел на меня так, будто я только что громко рыгнул.

– Молодой человек, имена могущественны. Не надо употреблять их всуе.

– О да! Конечно. Простите.

– Должен сказать, Перси, – вмешался Хирон-Браннер, – я рад видеть тебя в живых. Прошло уже много времени, с тех пор как меня уведомили об одном потенциальном обитателе нашего лагеря. Не хотелось бы думать, что я попусту потратил время.

– Вас уведомили?

– Я целый год провел в Йэнси, чтобы подготовить тебя. Конечно, у нас есть сатиры в большинстве школ, они ведут наблюдение. Но Гроувер предупредил меня сразу после встречи с тобой. Он почуял в тебе что-то необычное, поэтому я решил сам приехать и посмотреть на тебя. Я убедил другого латиниста... ну, скажем, взять отпуск.

Я постарался вспомнить начало учебного года. Это казалось очень далеким прошлым, но все равно во мне всплыло смутное воспоминание о том, что первую неделю в Йэнси у нас был другой латинист. Затем, без всяких объяснений, он исчез, и класс принял мистер Браннер.

– Вы приехали в Йэнси только ради того, чтобы учить меня?

Хирон кивнул.

– Если начистоту, сначала я не был в тебе уверен. Мы связались с твоей матерью и объяснили ей, что наблюдаем за тобой на случай, если ты будешь готов для Лагеря полукровок. Но тебе еще так многому нужно было научиться. Тем не менее ты попал сюда живым, а значит, прошел первое испытание.

– Гроувер, – нетерпеливо спросил мистер Д., – так ты играешь или нет?

– Да, сэр!

Гроувер, весь трепеща, сел в четвертое кресло, хотя я никак не мог понять, почему он так боится этого низенького толстяка в тигровой гавайской рубашке.

– Ты знаешь, как играть в безик? – подозрительно покосился на меня мистер Д.

– Боюсь, что нет.

– Боюсь, что нет, сэр, – поправил он.

– Сэр, – повторил я.

Директор нравился мне все меньше и меньше.

– Ладно, – сказал мистер Д., – однако знай, что наряду с гладиаторскими боями это одна из величайших игр, придуманных людьми. Я ожидал, что все цивилизованные молодые люди знакомы с ее правилами.

– Уверен, мальчик скоро научится, – вмешался Хирон.

– Пожалуйста, – попросил я, – скажите мне, что это за место? И что я здесь делаю? Мистер Бр... Хирон, зачем вы поехали в Йэнси? Только ради того, чтобы учить меня?

– Я его тоже об этом спрашивал, – фыркнул мистер Д.

Директор лагеря сдал карты. Гроувер вздрагивал всякий раз, когда карта падала в его кучку.

Хирон ободряюще улыбнулся мне, как обычно делал это на уроках латыни, словно для того, чтобы я понял, что вне зависимости от уровня подготовки я его первый ученик. Он ждал от меня правильного ответа.

– Перси, твоя мать ничего тебе не рассказывала? – спросил он.

– Она сказала... – Я вспомнил ее печальный взгляд, устремленный на море. – Она говорила, что боится отправлять меня сюда, хотя отец и хотел этого. Она сказала, что, как только я попаду сюда, скорее всего, не смогу выбраться. А ей хотелось, чтобы я был рядом с ней.

– Типичный случай, – заключил мистер Д. – Вот почему их обычно убивают. Так вы объявляете масть, молодой человек?

– А как?

Он с раздражением объяснил мне, как объявляют масть в безике, и я так и сделал.

– Боюсь, слишком многое придется рассказывать, – вздохнул Хирон. – Боюсь, нашего обычного ознакомительного фильма не хватит.

– Ознакомительного фильма? – переспросил я.

– Нет. – Хирон принял решение. – Послушай, Перси. Тебе известно, что твой друг Гроувер – сатир. Тебе известно, что ты убил Минотавра. – Он указал на рог в коробке из-под ботинок. – А это дорогого стоит, мой мальчик. А вот что ты вряд ли знаешь – это то, что в твоей жизни действуют могущественные силы. Боги – те силы, которые вы называете греческими богами, – очень даже живы.

Я уставился на остальных участников игры.

Я ожидал, что кто-нибудь из них пронзительно вскрикнет: «Нет!» Но вместо этого мистер Д. завопил:

– У меня королевский марьяж. Взятка! Взятка!

Он забормотал, подсчитывая свои очки.

– Мистер Д., – робко спросил Гроувер, – если вы не собираетесь съесть вашу банку из-под диетической колы, можно я возьму ее?

– Что? Бери, не стесняйся.

Откусив здоровенный кусок от пустой алюминиевой банки, Гроувер принялся скорбно жевать его.

– Постойте, – сказал я Хирону, – вы ведь сами объясняли мне, что такое Бог.

– Что ж, – пожевал губами Хирон, – да, Бог – это заглавная буква. Бог. Но не будем вдаваться в метафизику.

– Метафизику? Но вы говорили о...

– Ах да, о богах во множественном числе. Великие существа, которые контролируют силы природы и человеческие усилия. Бессмертные боги Олимпа. Они рангом поменьше.

– Поменьше?

– Да, именно. Боги, о которых мы беседовали на уроках латыни.

– Зевс, – сказал я, – Гера, Аполлон. Вы про них?

И снова в безоблачном небе где-то вдали раздался удар грома.

– Молодой человек, – произнес мистер Д., – будь я на вашем месте, я бы действительно не стал так легкомысленно разбрасываться этими именами.

– Но это же все вымысел, – возразил я. – Это мифы, которые создавали, чтобы объяснять молнии, смену времен года, ну и прочее. Это то, во что люди верили, пока не появилась наука.

– Наука! – издевательски усмехнулся мистер Д. – А вот скажи мне, Персей Джексон... – Я вздрогнул, потому что он назвал мое настоящее имя, про которое я никогда никому не рассказывал, – что люди будут думать о твоей «науке» через две тысячи лет? А? Назовут ее

примитивным «мумбо-юмбо». Вот так. О, как я люблю смертных – у них абсолютно отсутствует чувство перспективы. Они считают, что так далеко-о-о продвинулись во всем... Так ли это, Хирон? Посмотри на этого мальчика и скажи мне.

Мне не особенно нравился мистер Д., но было что-то такое в том, что он назвал меня «смертным», как будто... сам им не был. Этого хватило, чтобы у меня комок застрял в горле, и я начал понимать, почему Гроувер так прилежно следит за своими картами, жует банку из-под колы и держит рот на замке.

– Перси, – сказал Хирон, – хочешь верь, хочешь нет, но бессмертный и означает бессмертный. Ты хоть на мгновение можешь представить себе, что никогда не умрешь? Никогда не исчезнешь? А будешь существовать вечно, таким, какой ты есть?

Я хотел было отделаться отговоркой, сказав, что это славная мысль, но что-то в голосе Хирона заставило меня усомниться, стоит ли это говорить.

– Вы имеете в виду, что это важно: верят люди в них или нет? – спросил я.

– Именно, – согласился Хирон. – Если бы ты был богом, то как бы тебе понравилось, что тебя называют мифом, старой легендой, которая объясняет происхождение молнии? А если я скажу тебе, Персей Джексон, что когда-нибудь люди назовут мифом тебя, мифом, который объясняет, как маленькие мальчишки справляются с потерей своих матерей?

Сердце тяжело забилося у меня в груди. Хирон почему-то пытался разозлить меня, но я решил не поддаваться.

– Мне бы понравилось, – ответил я. – Вот только я не верю в богов.

– Ох, уж лучше поверь, – пробормотал мистер Д., – пока один из них не испепелил тебя.

– П-по-жа-луй-ста, сэр, – заикаясь, сказал Гроувер. – Просто он недавно потерял мать и теперь в шоке.

– Этого только не хватало, – проворчал мистер Д., разыгрывая карту. – Мало мне того, что приходится заниматься этой жалкой работой, так еще надо возиться с мальчишками, которые даже не верят!

Он махнул рукой, и на столе появился кубок, словно солнечный свет, опустившись на мгновение, соткал стекло из прядей воздуха. Кубок сам собой наполнился красным вином.

У меня челюсть отвисла, но Хирон как будто бы ничего и не заметил.

– Мистер Д., – предупредил он, – подумайте о диете.

Мистер Д. с притворным удивлением посмотрел на вино.

– Боже. – Он уставился на небеса и возопил. – Старая привычка! Прости!

И снова послышался гром.

Мистер Д. опять взмахнул рукой, и вместо кубка на столе появилась новая банка с диетической колой. Мистер Д. горестно вздохнул, открыл банку и вернулся к игре.

Хирон подмигнул мне.

– Как-то мистер Д. оскорбил своего отца, заведя шуры-муры с лесной нимфой, которая отличалась крайней распушенностью.

– Лесной нимфой, – тупо повторил я, уставясь на банку с колой так, словно она попала сюда из космоса.

– Да, – признался мистер Д. – Отец любит наказывать меня. На первый раз он объявил «сухой закон». Ужасно! Жуткие десять лет! Во второй раз... ну, она действительно была хорошенькая, и я не мог устоять... во второй раз он послал меня сюда. На Холм полукровок. В летний лагерь для таких мальчишек, как ты. «Покажи хороший пример, – сказал он мне. – Поработай с молодежью вместо того, чтобы оказывать на нее пагубное влияние». Ха! Какая

несправедливость.

У мистера Д. вдруг сделался обиженный вид, как у шестилетнего ребенка.

– Значит... – запинаясь, произнес я, – ваш отец...

– Di immortales^[4], Хирон, – вздохнул мистер Д., – я думал, ты обучил этого мальчика основам. Разумеется, мой отец – Зевс.

Я пробежал все известные мне имена на «Д» из греческой мифологии. Вино. Тигровая рубашка. Сатиры, которые, казалось, все работают здесь. Раболепие Гроувера, словно мистер Д. был его хозяином.

– Вы Дионис, – выдохнул я. – Бог вина.

Мистер Д. выпучил глаза.

– Что они говорят сегодня, Гроувер? Когда пьют? Неужели даже дети говорят: «Хорошо пошла»?!

– Д-да, мистер Д.

– Тогда «хорошо пошла», Перси Джексон. А может, ты решил, что я Афродита?

– Так вы – бог?

– Да, дитя мое.

– Бог... Вы...

Он в упор посмотрел на меня, и я заметил пурпурный отблеск в его глазах, наводящий на мысль, что этот капризный маленький толстяк показывал мне только крохотную частицу своей подлинной природы. Передо мной предстали видения, в которых винная лоза душила тех, кто не верил в божество винопития, и обезумевшие от вина воины, жаждавшие битв, и матросы, пронзительно вопившие, видя, как их руки превращаются в плавники, а лица удлиняются наподобие дельфиных морд. Я понял, что, если буду и дальше злить его, мистер Д. учинит надо мной что-нибудь пострашнее. Скажем, заразит мой мозг болезнью, из-за которой остаток жизни мне придется провести в смиренной рубашке в одиночной палате, обитой войлоком.

– Хочешь проверить меня, дитя мое? – спокойно спросил он.

– Нет. Нет, сэр.

Огонь в его глазах погас. Мистер Д. вернулся к картам.

– Полагаю, я выиграл.

– Не совсем, мистер Д., – возразил Хирон. Он выложил перед собой «стрит», подсчитал очки и сказал: – Игра моя.

Я решил, что мистер Д. уничтожит Хирона прямо на месте, в инвалидной коляске, но тот просто засопел, как будто привык проигрывать латинисту. Он встал, Гроувер тоже поднялся.

– Что-то я устал, – объявил мистер Д. – Надо бы вздремнуть перед вечерней спевкой. Но сначала, Гроувер, нам надо потолковать еще разок о твоём, мягко говоря, неудовлетворительном выполнении задания.

– Д-да, сэр. – Лицо Гроувера покрылось капельками пота.

– Домик номер одиннадцать, Перси Джексон, – обернулся ко мне мистер Д. – И следите за своими манерами.

Он проследовал в дом. Гроувер поплелся за ним – на него было жалко смотреть.

– С Гроувером все будет в порядке? – спросил я Хирона.

Хирон кивнул, хотя вид у него был несколько встревоженный.

– Старина Дионис на самом деле не сумасшедший. Просто ему опротивела эта работа.

Его «опустили», как, наверное, сказал бы ты, и он не может дожидаться еще век, пока ему будет разрешено вернуться на Олимп.

– Гора Олимп, – пробормотал я. – Вы ведь говорили мне, что такое место есть на самом деле?

– Да, в Греции есть гора Олимп. И там место обитания богов, точка, в которой сходятся их силы, действительно существовавшие на горе Олимп. Гора продолжает называться Олимпом из уважения к старине, но чертог перемещается, Перси, так же как перемещаются и боги.

– Вы имеете в виду, что греческие боги здесь? В... Америке?

– Ну конечно. Боги перемещаются вместе с сердцем западного мира.

– С чем?

– Не тормози, Перси. С тем, что вы называете «западной цивилизацией». Ты думаешь, это абстрактное понятие? Нет, это живая сила. Коллективное сознание, которое ярко пылает на протяжении тысяч лет. Боги – часть этого. Можно даже сказать, что они – его источник или, по крайней мере, так тесно связаны с ним, что не могут стереться из памяти, пока не будет уничтожена вся западная цивилизация. Огонь зажегся в Греции. Затем, как тебе известно, поскольку ты слушал мой курс, сердце огня переместилось в Рим, а вслед за ним и боги. О, возможно, им и давали другие имена – так, Зевса называли Юпитером, Афродиту Венерой и так далее, – но могущество, как и сами боги, оставалось неизменным.

– А потом они умерли.

– Умерли? Нет. Разве Запад умер? Боги просто на время перемещались в Германию, Францию, Испанию. Там, где пламя пылало ярче всего, – там были и боги. Несколько столетий они провели в Англии. Тебе нужно всего лишь взглянуть на архитектуру. Люди не забывают богов. В каждом месте, где они правили последние три тысячи лет, ты можешь увидеть их на картинах, в мраморе, на порталах главных зданий. И конечно, Перси, сейчас они в Соединенных Штатах. Взгляни на ваш символ – это орел Зевса; взгляни на статую Прометея в Рокфеллеровском центре, на греческие фасады ваших правительственных зданий в Вашингтоне. Назови-ка мне хоть один американский город, где олимпийцы не были бы представлены в самых разнообразных местах. Нравится тебе это или нет – кстати, поверь, многие не были в таком уж восторге от Рима, – сердце огня ныне в Америке. Это великая западная держава. Поэтому и Олимп здесь. И мы тоже.

Все это было для меня чересчур, особенно то, что Хирон словно бы и меня причислял к ним, так, будто я принадлежал к какому-то клубу.

– Кто вы, Хирон? И кто... кто я?

Хирон улыбнулся. Он изменил позу, будто собирался встать со своего кресла, но я знал, что это невозможно. Вся его нижняя часть была парализована.

– Кто ты? – в раздумье пробормотал он. – Это вопрос, на который мы все хотим получить ответ, разве не так? А пока мы предоставляем тебе койку в одиннадцатом домике. Там ты встретишь новых друзей. И у тебя будет масса времени, чтобы подготовиться к завтрашним занятиям. Кроме того, вечером у костра состоится традиционное угощение с маршмеллоу^[5] и сэндвичами из шоколада и крекеров, а я просто обожаю шоколад.

С этими словами Хирон стал подниматься из своей коляски. Но было что-то странное в том, как он это делал. Одеяло, прикрывавшее его ноги, упало, но сами ноги не двигались. Тело удлинялось, вырастая над поясницей. Сначала я подумал, что на нем очень длинная белая бархатистая нижняя рубашка, но Хирон все продолжал подниматься, становясь выше

любого человека, и я понял, что бархатное белье и не белье вовсе. Это был торс животного, мускулистый и жилистый под жесткой белой шерстью. А инвалидная коляска оказалась отнюдь не коляской. Это было нечто вроде контейнера, огромного ящика на колесах, и тут, наверное, примешалось какое-то волшебство, потому что он не мог вместить Хирона. На свет явилась длинная узловатая нога с большим отполированным копытом. Затем другая, затем бедра, и ящик опустел – металлическая скорлупа с приделанными к ней муляжами человеческих ног.

Я уставился на лошадь, явившуюся мне из инвалидного кресла: передо мной предстал крупный белый жеребец. Но вместо шеи у него был торс моего учителя латыни, мягко переходящий в конское туловище.

– Какое облегчение! – произнес кентавр. – Меня засадили туда так надолго, что шерсть над копытами совсем слежалась. Итак, вперед, Перси Джексон. Пора познакомиться с другими обитателями лагеря.

Глава шестая

Я становлюсь верховным повелителем туалета

Как только я свыкся с фактом, что мой учитель латыни – конь, мы с ним совершили замечательную прогулку, хотя я был достаточно осторожен, чтобы не идти прямо позади него. Несколько раз мне пришлось исполнять роль уборщика, которые чистят улицы перед Днем благодарения, и, как ни жаль, я не мог положиться на нижнюю лошадиную половину Хирона так же, как полагался на его человеческую часть.

Мы прошли мимо волейбольной площадки. Там подпрыгивали и разминались несколько жителей лагеря. Один указал на рог Минотавра, который я по-прежнему держал в руке. Другой сказал: «Это он».

Большинство ребят выглядели старше меня. Их друзья-сатиры были крупнее Гроувера, и все они, как один, щеголяли в оранжевых футболках с надписью «Лагерь полукровок» – это единственное, что прикрывало их лохматые бедра.

Обычно я не такой уж стыдливый, но взгляды, которые они бросали на меня, заставляли испытывать некоторую неловкость. Возникало ощущение, что они ждут, что я вот-вот сделаю сальто или отмочу что-нибудь еще.

Я оглянулся на дом. Он оказался намного больше, чем я полагал: четырехэтажный, небесно-голубой с белой отделкой, он напоминал солидный приморский дом отдыха. Я рассматривал бронзовый флюгер в виде орла, когда что-то привлекло мой взгляд – тень, скользнувшая в верхнем окне классического фронтона. Кто-то отодвинул занавеску всего на мгновение, но у меня возникло отчетливое впечатление, что за мной следят.

– Что это там наверху? – спросил я Хирона.

Хирон посмотрел, куда я указываю, и лицо его омрачилось.

– Просто чердак, – ответил он.

– Там кто-то живет?

– Нет, – категорически заявил он. – Ни одна живая душа.

Мне показалось, что он говорит правду. Но в то же время я не сомневался и в том, что кто-то подсматривал за нами из-за занавески.

– Пошли дальше, Перси, – сказал Хирон, его беззаботный тон прозвучал теперь несколько натянуто. – Нам надо еще многое увидеть.

Мы пересекли клубничные поля, где обитатели лагеря собирали ягоды в большие корзины, пока сатир наигрывал на тростниковой дудочке.

Хирон сказал, что лагерь собирает достаточно большой урожай, чтобы отправлять его в нью-йоркские рестораны и на Олимп.

– Это покрывает наши расходы, – пояснил он. – К тому же клубника почти не нуждается в уходе.

Кентавр сказал, что мистер Д. оказывает благоприятный эффект на растения: они начинают плодоносить со страшной силой, когда он оказывается поблизости. Лучше всего это срабатывало с винной лозой, но мистеру Д. было запрещено выращивать виноград, поэтому пришлось переключиться на клубнику.

Я посмотрел на сатира, игравшего на дудочке. Его мелодия заставляла побеги клубники

разрастаться в разные стороны, наподобие людей, бегущих из горящего дома. Я подумал, смог ли бы Гроувер оказать подобное магическое воздействие своей музыкой. Еще я подумал: сидит ли он сейчас в Большом доме, выслушивая нотации мистера Д.

– У Гроувера не будет серьезных неприятностей? – спросил я Хирона. – Я имею в виду... он был хорошим защитником, правда.

Хирон вздохнул. Он снял твидовый пиджак и, скатав его, положил себе на спину наподобие седла.

– Гроувер слишком многого хочет, Перси. Вероятно, его мечты выходят за пределы возможного. Чтобы добиться своей цели, он сначала должен проявить больше мужества и преуспеть как хранитель, отыскав нового обитателя лагеря и благополучно доставив его на Холм полукровок.

– Но он же это сделал!

– Хотелось бы мне согласиться с тобой, – покачал головой Хирон. – Но тут не мне судить. Решать должны Дионис и Совет козлоногих старейшин. Боюсь, они могут расценить его действия как провал. В конце концов, Гроувер потерял тебя в Нью-Йорке. Затем злосчастная... судьба твоей матери. И то, что Гроувер был без сознания, когда ты тащил его сюда. Совет может усомниться, что это свидетельствует о мужестве Гроувера.

Мне захотелось возразить. Ничто из этого не было виной Гроувера. Я сам чувствовал себя очень-очень виноватым.

Если бы я не удрал от Гроувера на автобусной остановке, у него не было бы неприятностей.

– Ему дадут еще один шанс?

Хирон поморщился.

– Боюсь, что это и был второй шанс Гроувера. Однако Совет не особенно беспокоился, предоставив ему еще одну возможность после того, что случилось пять лет назад. На Олимпе знают: я советовал Гроуверу как следует выждать, прежде чем пробовать снова. Он еще слишком юный...

– И сколько же ему?

– Двадцать восемь.

– Что?! И он – шестиклассник?

– Сатиры достигают зрелости вполтину медленнее, чем люди, Перси. Последние шесть лет Гроувер мог считаться учеником средней школы.

– Это ужасно.

– Согласен, – кивнул Хирон. – В любом случае Гроувер расцвел поздно, даже по меркам сатиров, и не вполне уверенно чувствует себя в лесном волшебстве. Увы, ему не давала покоя его мечта. Возможно, теперь он подыщет себе какую-нибудь другую карьеру...

– Это несправедливо, – сказал я. – А что случилось в первый раз? Это был такой тяжкий проступок?

– Давай двигаться быстрее, ладно? – Хирон быстро отвел взгляд.

Но я не собирался с такой готовностью менять тему. Что-то изменилось во мне, когда Хирон упомянул о судьбе моей матери, как будто намеренно избегая слова «смерть». Зачатки мысли – крохотный, вселяющий надежду огонек – забрезжили в моем уме.

– Хирон, – начал я, – если боги, Олимп и все это взаправду...

– То что, дитя мое?

– Означает ли это, что подземный мир тоже существует на самом деле?

Выражение лица Хирона стало совсем сумрачным.

– Да, дитя мое. – Он помолчал, словно как можно тщательнее подбирал слова. – Есть место, куда души отправляются после смерти. Но теперь... пока мы не узнали больше... прошу тебя, выбрось это из головы.

– «Пока мы не узнали больше»? Что ты имеешь в виду?

– Вперед, Перси. Посмотрим на лес.

Когда мы приблизились, я понял, насколько огромен раскинувшийся перед нами лес. Он занимал по меньшей мере четверть долины, и деревья в нем росли такие высокие и толстые, что вряд ли можно было представить, что сюда забредал кто-нибудь со времен аборигенов Америки.

– В лесах небезопасно. Можно, конечно, надеяться на удачу, но лучше вооружиться, – сказал Хирон.

– Небезопасно? – переспросил я. – Чем вооружиться?

– Увидишь. Сегодня ночь с пятницы на субботу. У тебя есть собственный меч и щит?

– Собственный меч?..

– Нет, – констатировал Хирон. – Так я и думал. Думаю, пятый размер подойдет. Попозже заеду в оружейную лавку.

Я хотел спросить: что это за летний лагерь, где есть оружейная лавка, но мне и так было о чем подумать, и мы продолжили путешествие. Мы осмотрели тир для стрельбы из лука, озеро, в котором соревновались гребцы на лодках, конюшни (кажется, они кентавру не очень-то нравились), плац для метания дротиков, амфитеатр и арену, где, по словам Хирона, устраивались бои на мечах и копьях.

– Бои на мечах и копьях? – опять переспросил я.

– Один домик вызывает другой, ну и так далее, – объяснил Хирон. – Летальный исход не обязателен. Как правило. А, да, вот и место, где можно перекусить.

Мой бывший учитель указал на открытый павильон, обрамленный белыми греческими колоннами; он стоял на холме, откуда был отличный вид на море. В павильоне стояло около дюжины каменных столов для пикника. Никаких стен. И никакой крыши.

– А что вы делаете, когда идет дождь? – спросил я.

Хирон как-то странно покосился на меня.

– Трапеза нам еще предстоит.

Я решил оставить эту тему.

Наконец он показал мне домики, двенадцать штук. Они уютно устроились в лесу возле озера. Расположены они были буквой «U»: два стояли у основания, остальные растянулись по пять в ряд с каждой стороны. И, вне всякого сомнения, эти строения представляли собой самые причудливые здания, которые мне только доводилось видеть.

Не считая того, что у каждого на двери красовался большой медный номер (нечетные слева, четные справа), они были совершенно не похожи друг на друга. Над номером девять, как над крохотной фабрикой, высились дымовые трубы. Стены четвертого номера были увиты побегами томатов, а крыша сложена из самой обычной травы. Номер седьмой казался сделанным из литого золота, которое так сверкало на солнце, что смотреть на него было практически невозможно. Все они выходили на общую площадку размером с футбольное поле, уставленную изваяниями греческих богов, фонтанами, цветочными клумбами и – что больше всего меня развеселило – парой баскетбольных корзин.

В середине поля была большая, выложенная камнем яма для костров. Хотя день стоял теплый, очаг дымился. Девочка лет девяти не давала пламени угаснуть, вороша угли палочкой.

Два домика в начале поля, номер второй и первый, напоминали парные мавзолеи – большие беломраморные ящики с тяжелыми колоннами по фронтому. Домик номер один был самым большим и массивным из всех двенадцати. Его полированные бронзовые двери поблескивали, как голограмма, так что – как ни взгляни – казалось, по ним пробегают молнии. Второй домик выглядел в некотором смысле более изящным: его колонны, увитые гирляндами гранатов и цветов, были тоньше и стройнее. Стены украшали высеченные в камне павлины.

– Зевс и Гера? – высказал я свою догадку.

– Верно, – ответил Хирон.

– Их домики кажутся пустыми.

– Это правда. Но не только их, еще несколько. Никто никогда не останавливается ни в одном из них.

О'кей. Значит, у каждого домика имелся свой бог, наподобие талисмана. Двенадцать домиков для двенадцати олимпийцев. Но почему некоторые пустуют?

Я остановился перед первым домиком слева – домиком номер три.

Не такой большой и не производит такого мощного впечатления, как первый, напротив – длинный, невысокий и крепкий. Стены снаружи сделаны из грубого серого камня с вкрапленными в них кусочками ракушек и кораллов, так, будто глыбы эти подняли прямо с океанского дна. Я заглянул было в открытую дверь, но Хирон вмешался:

– А вот этого я бы делать не стал!

Прежде чем он успел оттащить меня от двери, я уловил исходивший изнутри соленый запах – так пах ветер на берегу Монтаука. Внутри стены переливались, как морские раковины. Там стояло шесть пустых кроватей, застеленных шелковыми простынями. Но не было ни малейшего признака, чтобы кто-нибудь когда-нибудь на них спал. Место выглядело настолько печальным и заброшенным, что я обрадовался, когда Хирон положил руку мне на плечо и сказал:

– Пошли дальше, Перси.

Почти все остальные домики были переполнены обитателями лагеря.

Номер пятый был ярко-красный и ужасно выкрашенный, будто краску на него выплескивали ведрами и горстями. По крыше протянулась колючая проволока. Чучело головы вепря нависало над дверью, и казалось, его глазки следят за мной. Внутри я увидел кучу-малу невзрачных мальчишек и девчонок, они занимались армрестлингом и спорили под оглушительные звуки рок-музыки. Громче всех вопила девчонка лет тринадцати-четырнадцати. Под ее камуфляжной курткой виднелась футболка «Лагерь полукровок» размера XXXL. Она стрельнула в меня глазами и злорадно ухмыльнулась. Она напомнила мне Нэнси Бобофит, хотя девчонка из лагеря была крупнее и крепче и ее свисавшие длинными патлами волосы были каштановые, а не рыжие.

Я пошел дальше, стараясь не попасть под копыта Хирона.

– Мы еще не видели ни одного кентавра, – заметил я.

– Да, – печально согласился Хирон. – Мои сородичи – дикий и варварский народ, боюсь, это так. Ты можешь встретить их в дебрях леса, в какой-нибудь пустоши и на крупнейших спортивных состязаниях. Здесь мы их вряд ли увидим.

– Вы сказали, что вас зовут Хирон. Так вы действительно... – Он с улыбкой посмотрел на меня. – ...Хирон из мифов? Воспитатель Геракла и тому подобное?

– Да, Перси, это я.

– Но разве вы не умерли?

Хирон помолчал, словно мой вопрос заинтриговал его.

– Честно сказать, не знаю. Суть в том, что я не могу умереть. Видишь ли, несколько тысяч лет назад боги удовлетворили мое желание. Я смог продолжить заниматься любимой работой. Я могу быть воспитателем героев, пока человечество нуждается во мне. Дело было трудное... но и отдачу я получал немалую. Однако я по-прежнему здесь, поэтому могу только предполагать, что во мне еще нуждаются.

Я подумал о том, каково это – быть наставником три тысячи лет. А я так и не смог придумать десять главных занятий для списка «Кем я хочу стать».

– И вам не скучно?

– Нет, нет, – помотал головой Хирон. – Временами возникает ужасное гнетущее чувство, но скучно... нет, никогда.

– Почему гнетущее?

Хирон снова притворился, что недослышал.

– Погляди, – сказал он, – нас ждет Аннабет.

Белокурая девочка, которую я встретил в Большом доме, читала книгу перед последним домиком слева – одиннадцатым по счету.

Когда мы подошли, она окинула меня критическим взглядом, словно думая, сколько слюней я еще напустил.

Я попытался разглядеть, что она читает, но так и не рассмотрел заглавия. Я решил было, что дело в моей дислексии. Потом понял, что название даже не английское. Буквы выглядели как греческие. Я имею в виду, на самом деле оказались греческими. Там были картинки, изображавшие храмы, статуи и разные типы колонн, как в учебнике по архитектуре.

– Аннабет, – обратился к ней Хирон, – в полдень у меня мастер-класс по стрельбе из лука. Приведешь Перси?

– Да, сэр.

– Жилище номер одиннадцать. – Кентавр указал мне на дверь. – Чувствуй себя как дома.

Из всех домиков одиннадцатый больше всего напоминал стандартный домик летнего лагеря, только все тут было старое. Разбитый порог, шелушащаяся коричневая краска. Над дверью помещался один из символов врачевания: крылатый жезл, вокруг которого обвились две змеи. Как же они называли его?.. Ах да, кадуцей.

Внутри домик был битком набит народом, мальчишками и девочками, их число намного превышало количество коек. По всему полу валялись спальные мешки. Все вместе это напоминало физкультурный зал, в котором Красный Крест расположил эвакуационный центр для беженцев.

Хирон не стал заходить внутрь. Притолока была слишком низкой для него. Но при виде учителя все встали и почтительно ему поклонились.

– Что ж, вот и хорошо, – сказал кентавр. – Удачи тебе, Перси. Увидимся за ужином.

И он галопом припустил к стрельбищу лучников.

Я стоял в дверях, глядя на ребят. Они уже больше не кланялись. Теперь они оценивающе глазели на меня. Это была обычная рутина. Я проходил через эту процедуру во многих

школах.

– Ну, – поторопила Аннабет. – Иди.

Стараясь держаться как можно естественнее, я устремился внутрь, споткнулся и выставил себя на всеобщее посмеище. Любителей похихикать в домике было явно немало, но никто не издал ни звука.

– Перси Джексон, познакомься с обитателями домика номер одиннадцать, – объявила Аннабет.

– Обычный или неопознанный? – спросил кто-то.

Я не знал, что ответить, но Аннабет сказала:

– Неопознанный.

Все вздохнули.

Вперед вышел парень чуть постарше остальных.

– Ну, давайте, ребята, чего вы? Для того мы и здесь. Добро пожаловать, Перси. Можешь занять это место на полу, вот тут.

Парню было лет девятнадцать, и держался он молодцом. Симпатичный – высокий и мускулистый, с коротко подстриженными рыжеватыми волосами и дружелюбной улыбкой. Он носил безрукавку с круглым вырезом, подрезанные до колен джинсы и сандалии, а на шее у него висел кожаный шнурок с пятью разного цвета глиняными бусинами. Единственное, что настораживало в его внешности, был широкий белый шрам, тянувшийся от правого глаза к подбородку, словно кто-то полоснул этого парня ножом.

– Это Лука, – сказала Аннабет, и в голосе ее появились какие-то новые нотки.

Я посмотрел на нее и могу поклясться, что она зарделась. Она увидела, что я уставился на нее, и выражение лица у девочки снова стало строгое.

– Пока он твой вожатый.

– Пока? – переспросил я.

– Ты неопознанный, – терпеливо объяснил Лука. – Они не знают, в какой домик тебя поселить, поэтому поселили сюда. В домике номер одиннадцать собираются все новички, все вновь пришедшие. И это естественно. Наш покровитель Гермес – бог странников.

Я посмотрел на узенький участок пола, который мне отвели. У меня не было ничего, что бы я мог положить туда, застолбив это место как свое: ни багажа, ни одежды, ни спального мешка. Только рог Минотавра. Я хотел положить его туда, но потом вспомнил, что Гермес был также и богом воров.

Я оглянулся: у некоторых ребят был унылый и подозрительный вид, другие глупо ухмылялись, а кое-кто поглядывал на меня так, словно только и поджидал случая обчистить мои карманы.

– И долго я здесь пробуду? – спросил я.

– Хороший вопрос, – сказал Лука. – Пока не определишься.

– А сколько это может занять?

Все расхохотались.

– Пошли, – велела Аннабет. – Я покажу тебе волейбольную площадку.

– Я ее уже видел.

– Пошли.

Схватив меня за запястье, она буквально выволокла меня наружу. Сзади раздался взрыв хохота обитателей домика номер одиннадцать.

Когда мы отошли на несколько футов, Аннабет заметила:

– Мог бы держаться и получше, Джексон.

– А в чем дело?

Она вытаращилась на меня и, почти задыхаясь, пробормотала:

– Просто поверить не могу, что я решила, что ты – тот самый.

– Может, это твоя проблема? – Я потихоньку начинал сердиться. – Я знаю только, что убил какого-то парня с бычьей головой...

– Не говори так! – воскликнула Аннабет. – Знаешь, сколько ребят в этом лагере мечтают, чтобы им представился такой шанс?

– Быть убитым?

– Сразиться с Минотавром! Для чего, по-твоему, мы тренируемся?

Я покачал головой.

– Слушай, если это существо, с которым я дрался, действительно Минотавр из всех этих мифов...

– Да.

– Тогда он всего один.

– Да.

– И он был убит пару тыщ лет назад. Тесей убил его в лабиринте. Значит...

– Чудовища не умирают, Перси. Их можно убить, но они не умирают.

– Большое спасибо. Теперь все ясно.

– У них нет души, как у тебя или у меня. Ты можешь рассеять их на какое-то время, может быть, даже на целую жизнь, если тебе повезет. Но это первобытные силы. Хирон называет их архетипами. В конечном счете они преобразуются.

Я вспомнил о миссис Доддз.

– Ты хочешь сказать, что если я случайно убил мечом одну такую...

– ...фурию... я хочу сказать, твою математичку. Верно. Она все еще здесь. Ты просто очень здорово разозлил ее.

– Как ты узнала про миссис Доддз?

– Ты говорил во сне.

– Как ты назвала ее? Фурия? Так это они мучают людей в Аиде?

Аннабет нервно посмотрела на землю, словно та сейчас разверзнется и поглотит ее.

– Ты не должен называть их по имени, даже здесь. Если нам и приходится говорить о них, то мы называем их дальними родственниками.

– Послушай, тут можно хоть слово сказать спокойно, чтобы не прогремел гром? – Я даже самому себе казался сейчас нытиком, но меня это не волновало. – И вообще, почему я должен жить в одиннадцатом домике? Почему все вечно мечтают сбиться в кучу? Повсюду полно свободных коек.

Я указал на несколько первых домиков, и Аннабет побледнела.

– Ты не просто так выбираешь домик, Перси. Это зависит от того, кто твои родители. Или... родитель. – Она посмотрела мне прямо в глаза, ожидая, пока до меня дойдет.

– Мою маму зовут Салли Джексон, – ответил я. – Она работает в кондитерской. По крайней мере, работала там.

– Мне жаль твою маму, Перси. Но я не о ней. Я говорю о другом твоём родителе. Об отце.

– Он умер. Я его никогда не видел.

Аннабет вздохнула. Она явно вела такие беседы раньше с другими ребятами.

– Твой отец не умер, Перси.

– Как ты можешь так говорить? Ты его знаешь?

– Нет, конечно нет.

– Тогда как ты можешь говорить...

– Потому что я знаю тебя. Тебя не было бы здесь, не будь ты одним из нас.

– Ты ничего обо мне не знаешь.

– Разве? – Она вздернула бровь. – Спорим, что ты переходил из школы в школу? Спорим, что тебя не раз выгоняли?

– Как...

– С диагнозом дислексия. Возможно, и умственная отсталость.

Я постарался скрыть свое замешательство.

– А какое это имеет отношение?..

– Эти факты, взятые вместе, – верный признак. Буквы плавают у тебя перед глазами, когда ты читаешь. А все потому, что твой мозг настроен на Древнюю Грецию. А твоя гиперактивность, неспособность спокойно сидеть в классе? Это рефлексы воина. В настоящем бою ты наверняка остался бы в живых. А что касается проблем с вниманием, то они оттого, что ты слишком много видишь, Перси, а не слишком мало. Твои чувства более обострены, чем у простых смертных. Конечно, учителя хотели, чтобы тебя лечили с помощью медикаментов. Большинство из них – чудовища. Они не хотят, чтобы ты видел, кто они на самом деле.

– Звучит так... тебе тоже пришлось пройти через это?

– И большинству ребят здесь тоже. Если бы ты не был таким, как мы, ты не справился бы с Минотавром, не говоря уж про нектар и амброзию.

– Нектар и амброзию?

– Еда и питье, которые мы давали тебе, чтобы ты поправился. Для обычного мальчишки такие вещи оказались бы смертельными. Они превратили бы твою кровь в огонь, а кости – в песок, и ты умер бы. Взгляни правде в лицо. Ты – полукровка.

Полукровка.

Меня обуревало столько вопросов, что я не знал, с чего начать.

– Эй, ты там? Новичок! – неожиданно проорал чей-то хриплый голос.

Я обернулся. К нам не спеша приближалась дылда из уродливого красного домика. За ней следовали еще три уродины – такие же крупные, оборванные и тоже в камуфляжных куртках.

– Кларисса, – вздохнула Аннабет, – почему бы тебе не пойти и не почистить свое копьё?

– Конечно, мисс Принцесса, – откликнулась верзила. – Чтобы лучше было насадить на него тебя в пятницу вечером.

– Erre es korakas! – отозвалась Аннабет, что я перевел с греческого примерно как: «Пошла к черту!», хотя у меня и было чувство, что это выражение покрепче. – И не мечтай.

– Мы превратим тебя в пыль, – заявила Кларисса, но глаз у нее задержался. Похоже, она не была уверена, стоит ли продолжать свои угрозы. Потом она повернулась ко мне. – А это что еще за хмырь?

– Перси Джексон, познакомься с Клариссой, дочерью Ареса, – сказала Аннабет.

– Бога... войны? – заморгал я.

– У тебя что – с этим проблемы? – ухмыльнулась Кларисса.

- Нет, – ответил я, судорожно напрягая мозги. – Так вот откуда эта вонь.
- У нас церемония инициации новичков, Присси, – ворчливо сказала Кларисса.
- Перси.
- Не имеет значения. Пошли, я покажу.
- Кларисса... – постаралась остановить ее Аннабет.
- А ты стой где стоишь, воображала.

Аннабет это больно задело, но она не пошла за нами, да мне и не хотелось принимать от нее помощь. Я был новенький. Значит, придется самому зарабатывать себе репутацию.

Я отдал Аннабет рог Минотавра и приготовился драться, но не успел и опомниться, как Кларисса схватила меня за шею и потащила к зданию из шлакобетона, в котором я немедленно узнал совмещенный санузел.

Я отбивался руками и ногами. Не упомню, сколько раз в жизни мне приходилось драться, но у этой дылды Клариссы хватка была мертвая. Она затащила меня в отделение для девочек. По одну руку рядом протянулись туалетные кабинки, вдоль другой стены – душевые. Запах стоял как во всяком общественном туалете, и я подумал – насколько я мог думать, когда Кларисса волочила меня за волосы, – что если это место и принадлежит богам, то они могли бы раскошелиться на уборную пошикарнее.

Подружки Клариссы дружно хохотали, а я пытался собраться с силами, как тогда, в драке с Минотавром, но у меня ничего не выходило.

– Вот, пожалуйста, герой! Отбросы Большой троицы! – объявила Кларисса, подталкивая меня к одной из туалетных кабинок. – Вот так. Минотавр, должно быть, помер от смеха, такой у тебя был глупый вид.

Ее подружки захихикали.

Аннабет стояла в углу, опустив голову и разглядывая свои руки. Кларисса швырнула меня на колени и стала окунать мою голову в унитаз. Заворчали проржавленные трубы и... словом, то, что обычно спускают в туалет. Напрягая шею, я старался держать голову выше. Глядя на покрытую пеной воду, я подумал, что мне не придется в нее окунуться. И не пришлось.

Затем что-то случилось. Я почувствовал напряжение в желудке. Канализационная сеть задрожала, трубы начали трястись. Хватка Клариссы, державшей меня за волосы, ослабла. Вода мощной дугой вырвалась из унитаза, и следующее, что я помню, это как я растянулся на вымощенном плиткой полу, а Кларисса вопила где-то сзади.

[Купить полную версию книги](#)

Примечания

Политая острым соусом тонкая лепешка из кукурузной муки, в которую завернута начинка; национальное мексиканское блюдо. *(Здесь и далее примеч. ред.)*

Имеется в виду автобус американской компании «Грейхаунд», обслуживающей пассажирские междугородние маршруты.

Мексиканский соус. Представляет собой пюре из авокадо и томатов со специями.

Боги бессмертные (лат.).

Мягкое воздушное кондитерское изделие, приготовленное из желатина, сахара, ароматизаторов.